Рб/750
Игнатович.

R 6
750

К. Игнатовичъ.

О ТОМЪ,

ЗАЧѢМЪ НАМЪ НУЖНО ЗНАТЬ

ВОЕННЫЕ ЗАКОНЫ,

И О ТОМЪ ТАКЖЕ,

ЧТО ВЪ НИХЪ НАПИСАНО.

(Опытъ бесѣдъ съ нижними чинами)

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. ФЕНУ и К°.
1896.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Н. ФЕНУ и К°.

(Спб. Невскій проспектъ, домъ Армянской церкви).

ОТДѢЛЫ МАГАЗИНА:

1) **Книжный.** (Всѣ издаваемыя въ Россіи книги, по цѣнамъ объявленнымъ издателями: изящная литература, научныя сочиненія учебныя и дѣтскія книги, а также дешевыя изданія для школъ и народа).

2) **Музыкальный.** (Полный выборъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ композиторовъ. Дешевыя изданія классическихъ произведеній. Для города абонементъ на чтеніе нотъ на выгодныхъ условіяхъ).

3) **Наглядныхъ пособій** (Карты, атласы, глобусы, коллекціи, таблицы, приборы по физикѣ и химіи, модели и проч.).

4) **Письменныхъ, чертежныхъ и рисовальныхъ принадлежностей.** (Бумага, дешевыя тетради, карандаши, перья и проч.; готовальни, краски и пр.).

5) **Классной мебели.**

6) **Подписка на всѣ русскіе и иностранные газеты и журналы.**

Дешевыя изданія фирмы для нижнихъ чиновъ, школъ и народа.

Повѣсти, разсказы и др. сочиненія А. Погоскаго.

Лѣтопись событій отечественныхъ, церковныхъ и міровыхъ, ц. 20 к.

Темникъ ц. 20 к.

Петръ Великій, преобраз. Россіи, ц. 20 к.

Нарва и Полтава, ц. 20 к.

Оборона Севастополя въ 2-хъ ч. съ рис., ц. 1 р.

Земля, вода и воздухъ, ц. 20 к.

Наши добрые слуги четвероногіе, ц. 20 к.

Дѣдушка Назарычъ, ц. 20 к.

Сибирлетка, ц. 25 к.

Господинъ Колодникъ, ц. 20 к.

Суходольщина, ц. 20 к.

Солдатское пиво, ц. 10 к.

Первый винокуръ. Птичій даръ, ц. 20 к.

Чертовщина. Путешествіе на луну Мудрый Судья, ц. 20 к.

Отставное счастье. Изъ старыхъ записокъ. Два кольца, ц. 20 к.

Камень Кремневичъ, очеркъ изъ мелкихъ дѣлъ солдатскихъ, ц. 10 к.

Покойный Ив. Ив. Ивановъ, ц. 15 к.

Штуцерникъ Нечипоръ-Зачины-Воротъ и его потомство, ц. 25 к.

R 6/750

О ТОМЪ,

ЗАЧѢМЪ НАМЪ НУЖНО ЗНАТЬ

ВОЕННЫЕ ЗАКОНЫ,

И О ТОМЪ ТАКЖЕ,

ЧТО ВЪ НИХЪ НАПИСАНО.

(Опытъ бесѣдъ съ нижними чинами).

Составилъ 18-го Сапернаго баталіона Штабсъ-Капитанъ ИГНАТОВИЧЪ.

М.П.М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. ФЕНУ и К°.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Декабря 1895 года.

2007110266

Паровая Скоропечатня **Я. И. Либермана**, Фонтанка, д. № 86.

Нѣсколько словъ о бесѣдахъ.

Представляя на судъ военныхъ читателей семь бесѣдъ съ нижними чинами, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что именно побудило насъ написать ихъ и затѣмъ напечатать и о томъ, какія причины заставили насъ остановиться на такой, сухой въ сущности, темѣ.

Въ баталіонѣ, въ которомъ авторъ имѣетъ честь служить, каждый изъ ротныхъ командировъ, какъ это вѣроятно принято и во многихъ частяхъ арміи нашей, не менѣе одного раза въ недѣлю производитъ бесѣду со всѣми нижними чинами роты.

Иногда то-же самое поручается одному изъ младшихъ офицеровъ.

Темами выбираются или легкіе очерки военной исторіи, или сообщеніе какихъ-бы то ни было полезныхъ въ солдатскомъ обиходѣ свѣдѣній, или, наконецъ, обсужденіе какого-нибудь *инцидента*, случившагося въ послѣднее время и способнаго такъ или иначе навести на размышленія.

О пользѣ занятій этихъ говорить не будемъ: она очевидна, разъ только они умѣло направлены.

Вопросъ въ томъ только, чтобы ихъ направить умѣло.

Особенно полезны, по нашему мнѣнію, бесѣды, въ которыхъ *ротный командиръ* задается цѣлью освѣтить съ надлежащей точки зрѣнія какой-нибудь случай, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ и могущій подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ въ ротѣ или, если и довольно обыкновенный, то все-таки такой, повтореніе котораго на будущее время не желательно.

Случаевъ такихъ въ жизни роты не мало бываетъ.

Конечно, здѣсь нуженъ нѣкоторый тактъ, чтобы знать, чего слѣдуетъ касаться, а о чемъ лучше не начинать и разговора.

Хорошо обдуманной и умѣло изложенной бесѣдой можно достигнуть иногда довольно реальныхъ результатовъ. Можно добиться того, что тотъ или другой, иногда укоренившійся даже, обычай совершенно выйдетъ изъ употребленія; особенно если удастся затронуть нравственное чувство людей и убѣдить ихъ авторитетомъ логики.

Въ свое время и мы были поставлены въ необходимость приступить къ веденію подобныхъ бесѣдъ.

Откровенность заставляетъ насъ признаться, что ни одно можетъ быть изъ требованій службы не поставило насъ такъ втупикъ, какъ это послѣднее.

Умѣніе говорить, безъ котораго бесѣда на самую интересную тему способна только утомить если не усыпить аудиторію,—качество безспорно прекрасное, но, какъ и всѣ прекрасныя качества, далеко не всѣмъ присущее.

Умѣніе говорить понятно для солдатской аудиторіи—качество пріобрѣтаемое только долгой практикой.

Не имѣя ни врожденнаго дара слова, ни—вслѣдствіе условій предъидущей службы—надлежащей практики, мы были поставлены въ затрудненіе, изъ котораго однако необходимо было выйти.

Выходъ былъ только одинъ.

Не много разсчитывая на способность сказать хорошо что-либо экспромтомъ и безъ надлежащей подготовки, мы рѣшили сперва написать для себя рядъ бесѣдъ, семь изъ которыхъ мы здѣсь и предлагаемъ.

Во время исполненія этой работы намъ пришла мысль, очень правдоподобная, что не мы одни, вѣроятно, находимся въ такомъ затрудненіи, что, можетъ быть, въ немъ находятся или будутъ находиться многіе также изъ нашихъ товарищей по арміи.

Тогда-же явилась у насъ мысль—слишкомъ можетъ быть смѣлая—напечатать наши бесѣды.

Побудительной причиной этому служило желаніе—опять таки слишкомъ можетъ быть смѣлое—придти до извѣстной степени въ помощь тому, кто захотѣлъ-бы этою нашей помощью воспользоваться.

При наличности готовой канвы значительно облегчается трудъ дальнѣйшаго вырисовыванія узоровъ. Желаніемъ нашимъ было—дать такую канву тому, кто имѣлъ-бы въ ней надобность, и мы далеки отъ мысли разсматривать бесѣды наши, какъ вполнѣ уже готовый узоръ. Смотримъ на нихъ именно, какъ на канву только.

Установивъ такимъ образомъ то, что въ нашихъ глазахъ оправдывало какъ самый raison d'être предлагаемыхъ бесѣдъ, такъ и фактъ появленія ихъ въ печати, перейдемъ ко второй половинѣ вопроса.

Выборъ, на чемъ остановиться для начала, довольно труденъ.

Такъ много можно найти и хорошаго и полезнаго, что порядочно трудно даже разобраться въ матеріалѣ и изъ хорошаго выбрать болѣе полезное.

Состоя втеченіе извѣстнаго времени въ нѣкоторомъ соприкосновеніи съ судебной частью и будучи поставленнымъ въ необходимость высказывать свое мнѣніе при постановленіи приговоровъ, мы часто поражались однимъ бросающимся въ глаза фактомъ.

Фактъ этотъ состоялъ въ томъ, что большинство подсудимыхъ, совершая тотъ или другой проступокъ, положительно не вѣдало, что творило.

Приговоръ для многихъ являлся полнѣйшей неожиданностью: за такую, молъ, нестоющую вниманія вещь, да такое вдругъ наказаніе выходитъ.

Явленіе довольно-таки грустное.

Думаемъ, что далеко не мы одни вынесли изъ залы суда такое впечатлѣніе.

Наказаніе, какъ слѣдствіе не проявленія злой воли, а одного

только невѣдѣнія—фактъ, съ которымъ каждому, конечно, приходилось встрѣчаться въ жизни.

Желаніе объяснить людямъ, на сколько позволялъ уровень ихъ развитія, нѣкоторые изъ нужныхъ для нихъ законоположеній, желаніе, наконецъ, предостеречь ихъ, насколько только это было въ нашей власти, отъ печальныхъ послѣдствій невѣдѣнія,—вотъ что имѣло рѣшающее значеніе на выборъ нами темы и вотъ что заставило насъ приняться за разработку ея сейчасъ-же съ началомъ зимнихъ занятій и съ началомъ бесѣдъ въ ротахъ.

Поняли мы задачу нашу слѣдующимъ образомъ.

Отъ попытокъ объяснить юридическіе термины, отвѣчающіе довольно сложнымъ понятіямъ, какъ напримѣръ, что такое „законъ", на какія категоріи дѣлятся нарушители его (зачинщики, сообщники, попустители и т. д.), какая разница между уголовнымъ дѣломъ и дѣломъ гражданскимъ—мы отказались.

Во-первыхъ, мы не собирались писать учебника законовѣдѣнія для солдатъ, а задавались чисто практическою цѣлью, которая высказана выше; во-вторыхъ насъ останавливала трудность выполненія такой задачи, какъ объясненіе отвлеченныхъ понятій людямъ, не привыкшимъ къ отвлеченному мышленію.

Конечно, трудность выполненія не должна была-бы останавливать, если-бы въ результатѣ можно было ожидать большой пользы, а на нашъ взглядъ ея и быть-бы не могло.

Такія объясненія, если-бы даже были поняты и усвоены, явились-бы роскошью тамъ, гдѣ нѣтъ еще насущно необходимаго.

Наконецъ слово „законъ" принадлежитъ къ такимъ, смыслъ которыхъ понятенъ каждому; старясь растолковать его, легко впасть въ ошибку и затемнить вмѣсто разъясненія; попутно-же, тамъ, гдѣ это вытекало изъ предъидущаго, мы объясняли слова, малопонятныя для простолюдина.

Первая бесѣда — вступительная — посвящена разсмотрѣнію причинъ, могущихъ имѣть слѣдствіемъ проступокъ или преступленіе;

причинъ такихъ указано три: 1) небрежность и легкомысліе, 2) невѣдѣніе всѣхъ послѣдствій содѣяннаго и 3) присутствіе злой воли.

Примѣры, которыми мы старались разъяснить или подтвердить наши слова, всѣ почти случились на глазахъ большинства слушателей.

И дальше, гдѣ только это было возможно, мы старались выбирать именно такіе примѣры, считая ихъ наиболѣе убѣдительными.

Затѣмъ въ той-же бесѣдѣ объяснено въ краткихъ словахъ, почему законодатель не счелъ возможнымъ освобождать отъ наказаній за преступленія, совершенныя по невѣдѣнію подлежащихъ законоположеній.

Объясненіе такое существенно необходимо. Удачно-ли оно выполнено или нѣтъ—это другой вопросъ, но оставить въ людяхъ сомнѣніе въ справедливости закона и не постараться всѣми силами разрѣшить его, разъ разговоръ коснулся такой темы,—тоже преступленіе и даже не малое. Пріемъ, къ которому мы прибѣгнули, высказавъ положеніе, что, если допущена ненаказуемость преступленій, совершенныхъ по незнанію закона, то каждый можетъ всегда отговориться незнаніемъ и быть правымъ и что въ такомъ случаѣ знать законы было-бы очень невыгодно, — пріемъ этотъ можетъ быть мало педагогиченъ, но за то онъ вѣренъ той строгой и каждому понятной практической логикой, на которой построенъ.

Заключеніемъ бесѣды служитъ перечисленіе тѣхъ наказаній, къ которымъ могутъ приговаривать полковые суды.

Большинство солдатъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какія праволіпенія влечетъ за собою переводъ въ разрядъ штрафованныхъ; съ этимъ словомъ въ ихъ глазахъ почти всегда соединяется только понятіе о тѣлесномъ наказаніи въ дисциплинарномъ порядкѣ, а о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя могутъ встрѣтить въ дальнѣйшей жизни уволеннаго въ запасъ съ непрощеннымъ штрафомъ, они обыкновенно не задумываются. А еслибы они имѣли объ этомъ отчетливое понятіе,—мы глубоко убѣждены въ этомъ,—гораздо меньше шло-бы подъ судъ людей послѣднихъ сроковъ службы.

Темой для каждой изъ послѣдующихъ бесѣдъ взятъ одинъ изъ

раздѣловъ Воинскаго Устава о Наказаніяхъ: тѣхъ по преимуществу, статьи которыхъ чаще другихъ перечисляются въ приговорахъ полковыхъ судовъ.

Излагая сущность каждой статьи, мы не пропускали ея номера —не для солдатъ, конечно. Для солдата номеръ статьи—звукъ пустой, котораго онъ не запомнитъ, да который вовсе ему и не нуженъ.

Намъ просто не хотѣлось говорить голословно, безъ справокъ, имѣя въ виду, что можетъ быть кто-нибудь и кромѣ насъ захочетъ воспользоваться этими бесѣдами.

Изложенія пояснены рѣшеніями Главнаго Военнаго Суда съ указаніемъ годовъ—послѣдняя данная приведена не только для справокъ, а также и для бо́льшей убѣдительности въ томъ, что каждый примѣръ не выдуманъ, а дѣйствительно когда-то случился.

Примѣры выбраны наиболѣе блѣдные, т. е. такіе, въ которыхъ въ большинствѣ случаевъ для неразвитаго человѣка неясно видна наличность преступленія. Для нашей цѣли самые блѣдные примѣры были вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми яркими, потому-что наиболѣе оттѣняли основную мысль, проведенную черезъ всѣ бесѣды: не можетъ быть рѣчи о совершеніи преступленія по невѣдѣнію тамъ, гдѣ для каждаго виновность ясна, какъ Божій день.

Въ бесѣдѣ объ уклоненіяхъ отъ службы въ числѣ прочихъ примѣровъ приведена попытка, конечно неудавшаяся, отдѣлаться отъ службы путемъ совершенія преступленія, ведущаго за собой заключеніе въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства съ лишеніемъ воинскаго званія.

Можно-ли говорить объ этомъ солдату? Не значитъ-ли это натолкнуть его на мысль, которая самому ему не можетъ придти въ голову?

По нашему мнѣнію—и можно и должно.

Вѣдь полагается-же читать молодымъ солдатамъ законоположенія о караемости за членовредительство и объяснять, къ чему оно ведетъ солдата, а развѣ это не то же самое?

Ужъ если кто рѣшилъ отдѣлаться отъ службы, то онъ всегда и

услужливаго фельдшера себѣ найдетъ, отыщетъ и опытнаго совѣтника среди трактирныхъ адвокатовъ; только такой совѣтникъ приведетъ ему, конечно, тѣ исключительно случаи, гдѣ успѣхъ былъ самый блистательный.

Нѣтъ, лучше ужъ мы сами скажемъ солдату, что такіе случаи бывали, что для начальства пріемъ этотъ не составляетъ тайны, что поэтому такіе случаи не могутъ увѣнчаться успѣхомъ: служить все-таки будешь. Послѣ нашихъ словъ меньше будетъ цѣны и словамъ совѣтника: не всегда-же это, значитъ, удается, если вотъ и начальству объ этомъ извѣстно.

Вообще, закрываніе глазъ и замалчиваніе не всегда является наилучшимъ выходомъ изъ щекотливаго положенія.

Какимъ языкомъ слѣдуетъ говорить съ солдатомъ—вопросъ до извѣстной степени открытый. Многое можно сказать противъ поддѣлки вообще, но трудно осудить самое желаніе говорить съ аудиторіей языкомъ аудиторіи.

Главными аргументами противъ поддѣлки подъ солдатскій языкъ являются, во-первыхъ, трудность ея, во-вторыхъ—тотъ пересолъ, въ который легко впасть при этомъ.

Нѣкоторымъ возраженіемъ служитъ то однако, что люди, близко стоящіе къ извѣстной средѣ, поневолѣ усваиваютъ себѣ многія выраженія, въ этой средѣ принятыя.

Каждому изъ насъ легко поймать себя въ этомъ: въ разговорахъ съ нижними чинами мы сплошь и рядомъ говоримъ ихъ словами, говоримъ, напримѣръ, „вольный“ вмѣсто „статскій“, „словесность“ вмѣсто словесныя занятія и т. д. Слѣдовательно поддѣлка облегчается нѣсколько и иногда бываетъ, если можно такъ выразиться, даже полуестественной.

Не высказывая своего мнѣнія ни безусловно pro, ни безусловно contra, избираемъ на практикѣ среднее рѣшеніе, кажущееся намъ въ данномъ случаѣ самымъ правильнымъ.

Не намъ судить, конечно, на сколько это удалось; старались-же мы съ одной стороны избѣгнуть выраженій чисто книжнаго языка,

малопонятныхъ для солдата, а съ другой стороны не впасть тоже въ утрировку и не употреблять слишкомъ рѣжущихъ ухо выраженій его собственнаго говора.

Чувство мѣры должно быть въ этомъ главной руководящей.

Шутка въ бесѣдѣ съ солдатомъ—пріемъ часто очень хорошій.

Если лекторъ видитъ по настроенію слушателей, что вниманіе ихъ утомлено,—это единственное, можетъ быть, средство подбодрить ихъ и заставить слушать съ интересомъ дальше.

Малѣйшій-же оттѣнокъ пошлости въ шуткѣ—роняетъ престижъ лектора и унижаетъ его въ глазахъ аудиторіи.

Сказать что-нибудь грубо тоже требуетъ своего рода умѣнія.

Ухо тотчасъ-же улавливаетъ, сказана-ли грубость вслѣдствіе того, что она присуща натурѣ говорящаго, или вслѣдствіе того только, что говорящій счелъ нужнымъ сказать грубость. Въ первомъ случаѣ она легко прощается слушателями, во второмъ-же она ихъ оскорбляетъ. Это черта чисто психологическая.

Каждая бесѣда, отдѣльно взятая, можетъ быть изложена въ 25-20 минутъ.

Дольше намъ казалось излишнимъ утомлять вниманіе слушателей.

По опыту знаемъ, что приходится принуждать себя слушать, когда чтеніе продолжается больше часа; для солдата беремъ за норму $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ этого времени.

Если однако смотрѣть на бесѣды, какъ мы на нихъ смотримъ, т. е. не какъ на готовый узоръ, а какъ на канву только, то безо всякаго ущерба, а съ выгодой даже, можно раза въ два удлинить каждую.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ пришлось отклоняться нѣсколько въ сторону и касаться предметовъ, находящихся только въ нѣкоторой связи съ трактуемой темой. Такъ, говоря объ отношеніяхъ къ начальникамъ и старшимъ, мы считали нужнымъ напомнить о томъ, кто называется начальникомъ, а кто старшимъ; говоря о нарушеніяхъ обязанностей караульной службы, мы не могли не остановиться на объясненіи разницы между общими и особыми ея обязанностями.

Заканчивая это предисловіе, скажемъ, что мы далеки отъ мысли,

что взгляды, здѣсь высказанные, отличаются новизною, но имѣемъ полное право сказать, что каждый изъ нихъ является плодомъ собственныхъ наблюденій.

Еще болѣе далеки мы отъ мысли, что взгляды наши безошибочны.

Но если-бы намъ было доказано даже, что мы ошибаемся отъ начала до конца, утѣшеніемъ намъ служило-бы сознаніе, что намѣреніе наше было—принести нѣкоторую пользу солдату, и старая избитая поговорка о томъ, что не ошибается тотъ только, кто ничего не дѣлаетъ.

К. Игнатовичъ.

Вступительная бесѣда.

На этотъ разъ я думаю разсказать вамъ о вещахъ очень непріятныхъ: о тѣхъ нарушеніяхъ закона, которыя, къ сожалѣнію, случаются отъ времени до времени, а также о тѣхъ наказаніяхъ, которыя за нихъ налагаются.

Каждому человѣку, кто-бы онъ ни былъ, всегда важно знать тѣ законы, которые могутъ до него касаться; но ни для кого, можетъ быть, это не такъ важно, какъ для тѣхъ, кто состоитъ на службѣ.

Только такой солдатъ можетъ быть исправнымъ, который всегда поступаетъ по закону, да по уставу, а чтобы поступать по закону, нужно прежде всего знать этотъ законъ.

Если заглянуть въ любой журналъ взысканій или побывать въ засѣданіяхъ суда, то поневолѣ увидишь, что бываютъ три главныя причины, почему люди дѣлаютъ дурно, вмѣсто того, чтобы дѣлать хорошо.

Положимъ, несетъ солдатъ какую-нибудь казенную вещь—ружье-ли, сигнальный-ли рожокъ, или что нибудь другое. Зазѣвался въ сторону, споткнулся, упалъ, да и повредилъ то, что несъ: погнулъ сигнальный рожокъ, если несъ рожокъ, или сбилъ мушку, если несъ ружье.

Казенная вещь испорчена.

Какая здѣсь причина проступка?

Конечно—небрежность, невниманіе къ тому, что дѣлаешь.

Хорошо еще, когда по этимъ причинамъ случилась бѣда поправимая: ну, погнулся рожокъ,—снесутъ его въ мастерскую,—выправятъ.

А бываютъ случаи гораздо худшіе. Часто по этой же причинѣ случаются и большія несчастія. Сколько людей погибло изъ за того, что при стрѣльбѣ холостыми патронами кто-нибудь по ошибкѣ вложилъ патронъ боевой. Не мало несчастій случалось и на стрѣльбищахъ отъ невниманія и небрежности махальныхъ или людей, стоящихъ на линіи огня.

Такіе случаи бываютъ въ разныхъ мѣстахъ чуть-ли не каждый годъ.

Не обратилъ вниманія кто нибудь на поданный сигналъ, выстрѣлилъ не во-время—и сразу два несчастія.

Ни въ чемъ не повинный махальный или убитъ, или раненъ такъ, что на всю жизнь останется калѣкой, а тотъ, кто выстрѣлилъ,—идетъ подъ судъ, да еще кромѣ того всю жизнь помнить будетъ, что взялъ грѣха на-душу: загубилъ товарища.

Вообще, небрежность, невниманіе, легкомысліе—плохая вещь и первая причина проступковъ и несчастій.

Вторая причина того-же самаго—это незнаніе.

Уставъ гарнизонной службы, напримѣръ, требуетъ, чтобы при вступленіи въ караулъ, къ разводу уже, въ постовой вѣдомости было написано все кромѣ пароля, который вписывается на другой день.

Начальникъ караула, молодой ефрейторъ, или полѣнился или на себя понадѣялся, только наканунѣ наряда въ уставъ не заглянулъ, а изъ того, чему его

учили, многое, конечно, позабылъ и является къ разводу съ литографированнымъ бланкомъ вѣдомости, въ которомъ не написано еще ни слова.

На вопросъ дежурнаго по карауламъ онъ отвѣчаетъ, что утромъ написать некогда было; напишу, молъ, уже въ караульномъ помѣщеніи, благо свободнаго времени тамъ много будетъ.

Давалъ такое объясненіе, онъ, конечно, увѣренъ, что вполнѣ правъ и даже удивляется, когда ему говорятъ, что на него наложено взысканіе, можетъ быть даже думаетъ, что и наказали-то его несправедливо.

На моей памяти, года-два тому назадъ, былъ такой случай. Нашелъ одинъ солдатъ гдѣ-то капсюль такой, какіе употребляются для взрывовъ пироксилина.

Можетъ быть не всѣ вы видѣли эти капсюли. Величиною онъ, какъ обыкновенная папироса, которую до половины выкурили, совсѣмъ даже и похожъ на папиросу, только гильза не бумажная, а мѣдная, и въ томъ концѣ, гдѣ въ папиросѣ находится табакъ, въ капсюлѣ помѣщается сильный взрывчатый составъ; другой-же конецъ совсѣмъ пустой, какъ и тотъ конецъ папиросы, который въ ротъ берутъ.

Такъ вотъ, вмѣсто того, чтобы доложить, кому слѣдуетъ, о своей находкѣ, а ее оставить, гдѣ она лежала, онъ поступилъ иначе.

Пришелъ въ казарму, сѣлъ на койку, досталъ гдѣ то гвоздь и началъ ковырять имъ въ этомъ капсюлѣ.

Конечно, если-бы онъ зналъ, что взрывомъ капсюля у него оторветъ два пальца, то навѣрно ужъ не поднималъ-бы самъ такой вещи, а тѣмъ болѣе не ковырялъ-бы въ ней гвоздемъ.

Придя въ казарму, я тамъ увидалъ, что одинъ оторван-

ный палецъ лежалъ на полу, а другой даже торчалъ изъ стѣны: силою взрыва его вбило въ штукатурку.

Причиною обоихъ этихъ проступковъ было, конечно, только незнаніе, второй-же изъ нихъ, какъ видите, окончился большимъ несчастьемъ.

Уволили человѣка на родину, потому-что какой-же онъ ужъ служака, когда двухъ пальцевъ на правой рукѣ нѣтъ; а домой пришелъ—и дома уже не работникъ. Такъ вся жизнь человѣка и испорчена.

Ни тотъ сфрейторъ, что не написалъ постовой вѣдомости, ни тотъ рядовой, что канюль поднялъ, ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ сдѣлать дурно, а вышло у нихъ дурно потому только, что они не знали, какъ нужно было поступить, чтобы вышло у нихъ хорошо.

Кромѣ этихъ двухъ причинъ, о которыхъ я уже говорилъ, т. е. кромѣ небрежности и незнанія, есть еще третья причина проступковъ и несчастій, гораздо худшая.

Возьмемъ хотя-бы такой случай.

Унтеръ-офицеръ, скажемъ, приказываетъ рядовому: ступай и займись, положимъ, рубкой капусты.

Рядовой отвѣчаетъ: „слушаюсь“, да самъ вмѣсто того, чтобы идти капусту рубить, отправляется въ чайную и выпиваетъ тамъ малую толику съ благопріятелемъ.

Ужъ тутъ, какъ ни верти, не скажешь, что зашелъ въ чайную нечаянно, или, что не зналъ, что нельзя идти въ чайную, когда приказано заняться дѣломъ; если и скажешь, то развѣ только, что, молъ, запамятовалъ, куда меня послали, да и тутъ вѣдь наврешь.

Здѣсь уже ясно, что случилось дурно потому, что самъ не захотѣлъ сдѣлать хорошо.

Несчастія, правда, въ этомъ случаѣ не было, хотя

могло-бы и быть. Такое дѣло могло-бы и судомъ кончиться, а каждый судъ самъ по себѣ есть уже большое несчастіе.

Значитъ изъ этихъ примѣровъ вы видите, что причиною проступковъ бываетъ:

во-первыхъ, небрежность, невнимательность, легкомысліе;

во-вторыхъ, незнаніе и

въ-третьихъ, наконецъ, просто желаніе сдѣлать то, чего не полагается, хотя-бы человѣкъ и зналъ при этомъ, что онъ поступаетъ дурно.

На тѣхъ-же примѣрахъ вы могли убѣдиться, какъ близко часто бываетъ отъ проступка до несчастія; иногда и не думаешь и не гадаешь, а такой каши наваришь себѣ или кому другому, что и вѣкъ ее не расхлебать.

На свѣтѣ вообще гораздо больше хорошихъ людей, чѣмъ дурныхъ, и каждый человѣкъ гораздо чаще совершаетъ проступокъ по легкомыслію и необдуманности или по незнанію, чѣмъ поступаетъ дурно съ умысломъ.

Многіе изъ васъ скажутъ, а если и не скажутъ, то навѣрно подумаютъ про себя: „за что-же меня наказывать, если я нечаянно уронилъ ружье—вѣдь я не хотѣлъ его испортить“ или „чѣмъ-же я виноватъ, что не отдалъ чести дворцовому гренадеру—вѣдь я не зналъ, что имъ полагается отдавать честь“.

Конечно, на первый взглядъ кажется, что дѣйствительно не за что было-бы наказывать и того, кто нечаянно уронилъ, да и того, кто потому только не отдалъ чести, что не твердо зналъ, кому ее отдавать полагается.

Однако, если-бы первый изъ нихъ не считалъ-бы

воронъ, а смотрѣлъ-бы себѣ подъ ноги, когда проходилъ мимо составленныхъ въ козлы ружей,—глядишь, и мушка была-бы на мѣстѣ, а не сворочена на-сторону. Значитъ, хотя порча ружья случилась и нечаянно, а все таки могло-бы ее и не быть совсѣмъ: самъ ты и виноватъ въ твоемъ невниманіи.

Если-бы сегодня спустить Иванову, когда онъ по незнанію не отдалъ чести, то завтра и Петровъ въ свое оправданіе скажетъ, что и съ нимъ этотъ грѣхъ случился по той-же самой причинѣ; а вѣдь въ душу къ нему не влѣзешь, чтобы на самомъ дѣлѣ убѣдиться, правда-ли онъ не зналъ, или зналъ, да только совралъ, чтобы подъ арестомъ не сидѣть.

Наконецъ вотъ еще что.

Всѣхъ солдатъ учатъ уставамъ. Такъ стоило-ли бы учиться, если-бы за проступки, сдѣланные по незнанію, не наказывали?

Тогда лучше-бы было ничему не учиться и ничего не знать: въ такомъ случаѣ, что-бы ты ни сдѣлалъ, всегда бы правъ былъ; „я, молъ, этого не зналъ“, да и вся недолга́.

Вотъ почему нельзя прощать проступка потому только, что ты не зналъ, что онъ запрещенъ законами.

Вотъ почему даже и въ самихъ законахъ написано, что невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ.

Есть пословица, что для дураковъ законъ не писанъ, только она вретъ, эта пословица.

Теперь вы, я думаю, уже видите, куда я рѣчь веду.

О тѣхъ проступкахъ, когда человѣкъ нарочно дѣлаетъ дурно, я говорить не стану, мимоходомъ развѣ,

а хотѣлось-бы мнѣ потолковать съ вами о тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ попадаетъ въ бѣду отъ небрежности да отъ незнанія, и кстати разсказать, какъ слѣдуетъ поступать, чтобы этого не было.

Для этого хочу передать вамъ то, чего требуютъ и что запрещаютъ наши законы, напечатанные въ книгѣ „Воинскій уставъ о наказаніяхъ", а, чтобы понятнѣе было, постараюсь разъяснить мой разсказъ примѣрами.

Вы знаете, конечно, что существуетъ у насъ баталіонный (полковой) судъ, а кромѣ того есть еще судъ военно-окружной, въ которомъ разсматриваются дѣла о преступленіяхъ болѣе важныхъ. Баталіонныхъ и полковыхъ судовъ въ Россіи столько почти, сколько полковъ, отдѣльныхъ баталіоновъ и артиллерійскихъ бригадъ,—значитъ очень много.

Военно-окружныхъ судовъ гораздо уже меньше, ихъ всего нѣсколько: по одному въ каждомъ военномъ округѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ судовъ есть еще одинъ на всю Россію „Главный Военный Судъ"; въ немъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбираются во второй разъ дѣла, рѣшенныя уже въ военно-окружныхъ или въ полковыхъ судахъ.

Рѣшенія Главнаго Военнаго суда каждый годъ печатаются въ особыхъ книжкахъ; изъ этихъ-то рѣшеній и выберу я тѣ примѣры, которыми надѣюсь разъяснить для васъ законы.

Въ слѣдующей бесѣдѣ я прочту вамъ о томъ, какъ младшіе должны относиться къ своимъ начальникамъ или старшимъ, и какія полагаются наказанія за нарушеніе этихъ правилъ.

Здѣсь многіе изъ васъ увидятъ и убѣдятся, какъ нужно быть осторожнымъ, чтобы не оказать начальнику неуваженія.

Не всѣ вы, вѣроятно, знаете, напримѣръ, что бывали случаи, когда отдавали подъ судъ за то, что товарищъ обругалъ своего-же товарища, но только въ такое время, когда въ этомъ-же помѣщеніи находился начальникъ.

Если-бы вы всѣ твердо знали, что выругаться въ присутствіи начальника—значитъ оказать ему неуваженіе, то конечно, болѣе бы остерегались въ разговорахъ съ товарищами; начальству не приходилось-бы слышать дурныхъ выраженій, какъ это иногда бываетъ; въ журналѣ взысканій меньше-бы записей было.

Третья бесѣда будетъ объ уклоненіяхъ отъ службы и о нерадѣніи къ ней. Уклоненіемъ называется такой случай, когда кто не имѣетъ еще права на увольненіе, а начнетъ объ немъ какъ-нибудь хлопотать: или разстроитъ себѣ здоровье, или сдѣлаетъ какое-нибудь увѣчье, палецъ отрубитъ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Что значитъ нерадѣніе—объяснять нечего. Нерадѣніе—это лѣнь, та самая, что по пословицѣ раньше насъ родилась.

Четвертая бесѣда о побѣгахъ и самовольныхъ отлучкахъ.

Я уже сказалъ, что главнымъ образомъ хотѣлъ-бы потолковать съ вами о тѣхъ проступкахъ, которые совершаются большею частью по незнанію. Каждый-же, кто отлучается самовольно, знаетъ, что это запрещено, но часто не знаетъ, что ему за это быть можетъ, думаетъ, что это не такой ужъ большой проступокъ.

Въ слѣдующей, пятой, бесѣдѣ мы поговоримъ о караульной службѣ и о дежурствахъ; о томъ, напримѣръ, что называется нарушеніями общихъ ея обязанностей, а что—нарушеніемъ особыхъ, и какъ законъ наказываетъ за тѣ и за другія.

Караульная служба—дѣло очень важное: въ мирное время нѣтъ другой такой важной службы, какъ караульная.

Между тѣмъ и тутъ часто случаются нарушенія устава; нарушенія на первый взглядъ какъ будто и мелкія, многіе изъ васъ такъ и думаютъ, что они мелкія; на самомъ-же дѣлѣ служба эта такъ важна, что въ ней быть не можетъ нарушеній мелкихъ и за каждое законъ наказываетъ очень строго.

Шестая бесѣда будетъ объ обращеніи съ казенными вещами и о той отвѣтственности, которую несетъ тотъ, кому онѣ выданы; седьмая и послѣдняя—о нарушеніяхъ воинскаго благочинія, т. е. о пьянствѣ, напримѣръ, объ игрѣ въ карты, о дракахъ съ товарищами и такъ далѣе.

Посмотримъ теперь, какія по воинскому уставу полагаются наказанія.

Всѣ вы учили, что взысканіемъ дисциплинарнымъ называется такое, которое налагается безъ суда властью начальника.

Но бываютъ случаи, когда къ такимъ-же наказаніямъ и судъ приговариваетъ: я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ судъ, да не полковой, а военно-окружной, приговорилъ двухъ солдатъ къ отсидкѣ семи сутокъ простымъ арестомъ. Обвинялись они въ оскорбленіи начальника, да еще въ самовольной отлучкѣ. Начальника-же они, какъ оказалось, не оскорбляли — судъ ихъ въ этомъ и оправдалъ, а что ночью по городу болтались, самовольно уйдя изъ казармъ,—это дѣйствительно было. За это по семи сутокъ и отсидѣли.

За большинство изъ тѣхъ проступковъ, о которыхъ я буду говорить, кромѣ взысканій дисциплинарныхъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлены, назна-

чаются слѣдующія наказанія, налагаемыя только по суду:

Во-первыхъ, просто переводъ въ разрядъ штрафованныхъ.

Во-вторыхъ, одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ на время отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ наказаніе это замѣняется тѣлеснымъ: назначается до 200 ударовъ розгами.

Въ-третьихъ, отдача въ дисциплинарные баталіоны срокомъ отъ одного до трехъ лѣтъ, тоже съ переводомъ въ тотъ-же разрядъ.

Кто переводится, а кто по правамъ своимъ не можетъ быть переведенъ въ разрядъ штрафованныхъ,—объ этомъ я вамъ говорить не стану, такъ какъ это къ дѣлу не относится; о разрядѣ-же этомъ напомню вамъ слѣдующее:

Во-первыхъ, переведенныхъ въ этотъ разрядъ начальники, начиная съ ротнаго командира, имѣютъ право своею властью наказывать розгами.

Во-вторыхъ, ихъ не назначаютъ въ почетные караулы, вѣстовыми и посыльными къ начальствующимъ лицамъ.

Въ-третьихъ, ихъ никогда не назначаютъ за старшаго и, конечно ужъ, не повышаютъ въ ефрейторы и не производятъ въ унтеръ-офицеры.

Въ-четвертыхъ, ихъ не увольняютъ въ кратковременные отпуски.

Въ-пятыхъ, унтеръ-офицеры и ефрейторы съ переводомъ въ этотъ разрядъ лишаются своего званія, а также и фельдшера, хотя-бы званіе это получили по экзамену. Заслужившіе прежней своей службой право на полученіе добавочнаго жалованья,—само собою разумѣется, что его теряютъ.

Въ мирное время штрафъ никому не можетъ быть прощенъ раньше года; но и черезъ годъ переводятъ въ разрядъ безпорочнослужащихъ тѣхъ только, кто этотъ годъ служилъ дѣйствительно, какъ слѣдуетъ, и все это время велъ себя исправно; иначе и службу покончишь и въ запасъ уволятъ, а все будешь считаться въ разрядѣ штрафованныхъ.

А это, братцы, не шутка. Кто будетъ уволенъ въ запасъ, а потомъ и въ отставку съ непрощеннымъ штрафомъ и съ отмѣткою объ этомъ въ увольнительномъ билетѣ,—тотъ не разъ въ жизни пожалѣетъ, что дурно велъ себя когда то. Его и волостной судъ разложить да и всыпать, сколько слѣдуетъ, можетъ; а не захочешь крестьянствовать, будешь себѣ службы искать—такъ кто-жъ тебя возьметъ, если придешь наниматься, да волчій паспортъ на столъ и выложишь?

Теперь, передъ тѣмъ, какъ говорить съ вами о законахъ въ отдѣльности, долженъ сказать вамъ вещь, которая, пожалуй, многихъ даже удивитъ.

Часто, когда кто сдѣлаетъ какой-нибудь проступокъ, въ оправданіе приходится слышать: „виноватъ—пьянъ былъ“, или „былъ выпивши“.

Тотъ, кто такъ говоритъ, думаетъ, конечно, что съ него меньше взыщутъ, если онъ совершилъ проступокъ въ пьяномъ видѣ, когда себя не помнилъ.

На самомъ-же дѣлѣ это не такъ бываетъ.

Если-бы можно было оправдаться нетрезвымъ видомъ, то для уменьшенія наказанія стоило-бы только нарочно напиться или даже просто притвориться пьянымъ; поэтому въ такихъ случаяхъ наказаніе обыкновенно еще и увеличивается: и за то взыщутъ, что сдѣлалъ, да и за то еще, что пьянъ напился.

Если подчиненные попадутся въ чемъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, то съ начальника взыскивается всегда строже, чѣмъ съ остальныхъ: его дѣло было смотрѣть за своими подчиненными, а онъ и самъ дурной поступокъ сдѣлалъ, да и ихъ отъ него не удержалъ, вотъ два раза виноватъ и выходитъ.

Теперь еще разъ напомнинаю вамъ, что знаніе законовъ можетъ спасти каждаго изъ васъ отъ многихъ непріятностей, а, чтобы вы хоть сколько нибудь познакомились съ военными законами, для этой цѣли я и рѣшилъ прочесть эти бесѣды. Ученіе свѣтъ, а неученье—тьма, Знаніе законовъ—тоже свѣтъ, а незнаніе ихъ—тоже тьма, да еще какая! Развѣ не въ потемкахъ ходитъ тотъ человѣкъ, кто не знаетъ, за какой поступокъ его похвалятъ, а за какой подъ арестъ пошлютъ?

Вторая бесѣда.

Въ самомъ началѣ дисциплинарнаго устава, на второй страницѣ его, напечатано, что младшій всегда и во всѣхъ случаяхъ долженъ оказывать начальнику или старшему уваженіе.

Помнить объ этомъ каждому слѣдуетъ: вещь, значитъ, важная, коли такъ требуетъ Высочайшій Уставъ,

да еще на первыхъ своихъ строкахъ. Въ другомъ уставѣ, который, какъ я вамъ уже говорилъ, называется „Воинскій уставъ о наказаніяхъ", опредѣлено, что бываетъ тому, кто не исполняетъ этого требованія.

Объ этомъ говорится въ восьми статьяхъ: отъ 96-ой до 103-ей включительно.

За неоказаніе начальнику уваженія или за неприличное съ нимъ обращеніе, или за оказаніе ему пренебреженія могутъ быть, по статьямъ 96-ой и 101-ой, назначены разныя наказанія: по винѣ глядя.

Самое меньшее—дисциплинарное взысканіе: посадятъ, положимъ, въ карцеръ смѣшаннымъ арестомъ, или на долгій срокъ отлучку со двора воспретятъ, или другое что назначутъ; а самое бо́льшее—къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ присудятъ, да могутъ продержать тамъ мѣсяцевъ до четырехъ.

Значитъ, наказаніе можетъ быть и не шуточное.

Поступаютъ на службу два новобранца. Оба въ одной деревнѣ родились и выросли. Мальчишками—вмѣстѣ въ бабки играли, подростками—вмѣстѣ въ ночное ѣздили, парнями—въ одну избу на посидки ходили. Друзья закадычные.

На службу пришли,—такъ не только въ одну роту, обоихъ въ одинъ и тотъ-же взводъ зачислили.

Много-ли мало-ли времени прошло,—одного изъ нихъ въ унтеръ-офицеры произвели, а другой—рядовой. Рѣдко-ли бываютъ такіе случаи?

Такъ вотъ, если этотъ рядовой да при служебномъ разговорѣ не назоветъ этого унтеръ-офицера по имени, отчеству, или тамъ „господинъ унтеръ-офицеръ", а скажетъ ему „ты" по старой памяти,—значитъ окажетъ онъ своему начальнику неуваженіе.

Даже не только пріятель пріятелю, а братъ брату

родному не можетъ по закону говорить по службѣ „ты“, если первый изъ нихъ рядовой, а второй унтеръ-офицеръ, или не унтеръ-офицеръ даже, а просто ефрейторъ-отдѣленный начальникъ.

Вотъ вамъ еще примѣръ неприличнаго обращенія съ начальникомъ.

Въ 1887 году служитель, ужъ не помню какого продовольственнаго магазина, былъ въ трактирѣ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, вахтеромъ.

Вмѣстѣ они выпивали, вмѣстѣ и изъ трактира вышли. Выходя, служитель этотъ съ пьяныхъ глазъ споткнулся да и упалъ, а, вставая, началъ опираться на вахтера; потомъ, чтобы снова не упасть, схватился за него-же: взялъ его за погонъ.

Да не крѣпка оказалась поддержка эта, погонъ то есть: и самъ этотъ служитель, пошатнувшись, опять свалился, да и поддержку свою оборвалъ. Хотѣлъ-ли онъ своимъ поступкомъ оскорбить вахтера?

Конечно и въ помышленіи этого не имѣлъ, а все-таки судъ по статьямъ 96-ой и 101-ой призналъ его виновнымъ въ неприличномъ съ начальникомъ обращеніи.

Если законъ высоко ставитъ унтеръ-офицерское званіе и строго наказываетъ за оказаніе неуваженія начальнику изъ нижнихъ чиновъ, то, конечно, еще выше ставитъ онъ званіе офицерское и за неуваженіе къ офицеру наказываетъ еще строже.

Я уже говорилъ вамъ въ первой бесѣдѣ, что по 96-ой статьѣ наказывается тотъ, кто не остережется, да въ присутствіи начальника скажетъ какое неприличное слово или выругаетъ товарища. Теперь еще разъ повторяю то же.

У многихъ изъ васъ есть привычка ругаться черезъ

два слова въ третье: будьте осторожны съ этою привычкою. Помните, что иногда за удовольствіе помянуть крѣпкимъ словцомъ товарища можно и два мѣсяца въ тюрьмѣ отсидѣть, лица человѣческаго не видя, а это не шутка.

Въ 1874 году разбиралось въ судѣ такое дѣло. Рядовой, бывшій у офицера деньщикомъ—тогда еще казенная прислуга деньщиками называлась,—пришелъ къ нему и сказалъ, что не желаетъ больше быть у него въ услуженіи, а хочетъ вернуться въ роту—въ строй.

Въ 1887 году другое дѣло было: тамъ рядовой, который состоялъ казенной прислугой у военнаго доктора, проходилъ зачѣмъ-то мимо него, да нечаянно и задѣнь его плечомъ. Самъ судъ призналъ, что толкнулъ онъ доктора совершенно нечаянно.

Оба эти рядовые были однако признаны виновными въ оказаніи начальнику неуваженія и осуждены по 96-ой статьѣ.

Конечно, если-бы они знали, что имъ угрожало, то второй изъ нихъ былъ бы внимательнѣе и, проходя мимо своего начальника, не глазѣлъ-бы по сторонамъ и не толкался-бы, а первый иначе выразилъ-бы свою просьбу. Не говорилъ-бы, чего онъ желаетъ, а чего не желаетъ.

Я думаю, что многимъ изъ васъ и въ голову не приходило, чтобы за такія ошибки, да такія были наложены наказанія. Слѣдующая статья, 97-ая, говоритъ о преступленіяхъ гораздо болѣе тяжкихъ: объ оскорбленіи начальника на словахъ или на письмѣ или какимъ неприличнымъ дѣйствіемъ; и наказанія статья эта опредѣляетъ гораздо болѣе строгія, а именно—до 3-хъ лѣтъ дисциплинарнаго баталіона.

Въ 1876-омъ году по этой статьѣ судился и былъ обвиненъ одинъ рядовой вотъ по какому случаю.

Стоялъ онъ во фронтѣ. Ученіе еще не начиналось. Замѣтилъ его отдѣленный начальникъ, что у него дурно шинель одѣта, подошелъ къ нему и хотѣлъ было шинель эту поправить.

Тогда рядовой, о которомъ я вамъ разсказываю, разсердился и съ сердцемъ отвелъ отъ себя руку унтеръ-офицера, отдѣленнаго.

На судѣ и всѣ свидѣтели показали, да и этотъ унтеръ-офицеръ самъ говорилъ, что рядовой не выругалъ его, не толкнулъ, не ударилъ—только руку отвелъ и все тутъ.

Похожее на это дѣло разбиралось въ 1887 году. Тамъ рядовой, котораго фельдфебель хотѣлъ ударить, схвативъ его за руку и сказалъ: „вы, господинъ фельдфебель, не имѣете права меня бить“—и больше ничего не говорилъ, ничѣмъ другимъ своего начальника не оскорбилъ, а былъ осужденъ за одинъ только этотъ поступокъ по 97-ой статьѣ.

Указывать своему начальнику, что онъ имѣетъ право сдѣлать, а чего не имѣетъ,—конечно нельзя, а тѣмъ болѣе хватать его за руку.

Если я думаю, что со мной поступаютъ не по закону, я могу только пожаловаться на это.

Да и жаловаться-то надо умѣючи, чтобы самому при этомъ беззаконія не сдѣлать, ну и въ правотѣ-то своей очень ужъ надобно быть увѣреннымъ: бываетъ, что изъ огня да въ полымя.

Если уже тотъ шибко виноватъ, кто сдѣлалъ своему начальнику замѣчаніе или взялъ его за руку, то еще больше виноватъ тотъ, кто выругалъ своего начальника, все равно въ какомъ-бы званіи ни былъ этотъ послѣдній: хотя-бы свой-же братъ рядовой, да только назначенный за старшаго въ командѣ.

Случаевъ такихъ много было; объ одномъ и вамъ разскажу.

Вели арестованныхъ; шелъ при нихъ конвой: старшій въ конвоѣ—рядовой. Все какъ слѣдуетъ. Только въ дорогѣ начали конвойные болтать между собой. Дѣлаетъ имъ старшій замѣчаніе, приказываетъ замолчать—они и ухомъ не ведутъ. Наконецъ, онъ называетъ одного прямо по фамиліи и говоритъ ему: „молчи, дуракъ“, а тотъ, не долго думая, въ отвѣтъ старшему: „я такой-же дуракъ, какъ и ты дуракъ“.

На судѣ оказалось, что онъ отвѣтомъ этимъ вовсе не думалъ даже нанести начальнику обиду, просто сболтнулъ, не подумавши, но все-таки былъ осужденъ по 97-ой статьѣ, значитъ отбылъ за свою глупость наказаніе немалое.

Вотъ что значитъ не знать законовъ.

По этой-же статьѣ судятъ тѣхъ, кто позволяетъ себѣ грозить начальнику тѣмъ хотя-бы, что будетъ на него жаловаться.

Если ты считаешь, что я тебя чѣмъ обидѣлъ, то жаловаться на меня имѣешь полное право, только предварительно долженъ мнѣ-же доложить объ этомъ черезъ фельдфебеля, но грозить мнѣ жалобой—права не имѣешь.

Въ томъ дѣлѣ, о которомъ я уже разсказывалъ, гдѣ рядовой отвелъ руку фельдфебеля, я упомянулъ, что въ этомъ все оскорбленіе и состояло и другого нанесено не было; а, если-бы было,—то и разговоръ другой былъ-бы.

Въ статьѣ 98-ой сказано, что за ударъ, нанесенный начальнику, или даже не за ударъ, а за то только, что подчиненный подниметъ на начальника руку съ намѣреньемъ ударить—полагаются уже совсѣмъ другія наказанія.

Самое меньшее—отдача въ дисциплинарный баталіонъ срокомъ до 2-хъ лѣтъ, а въ иныхъ случаяхъ назначается и ссылка въ каторжныя работы срокомъ до 20 лѣтъ и даже—въ военное время—смертная казнь разстрѣляніемъ. Все смотря потому, кому нанесено оскорбленіе, какое оскорбленіе и при какихъ обстоятельствахъ.

Въ 1870 году по этой статьѣ были осуждены, между прочими, трое рядовыхъ; первый изъ нихъ выругалъ своего унтеръ-офицера и схватилъ его за воротникъ; второй схватилъ унтеръ-офицера за волосы; третій оттолкнулъ отъ себя фельдфебеля, который загородилъ ему собою дорогу и хотѣлъ не допустить его выйти изъ казармы.

Первые двое не могли, конечно, не знать, что они наносятъ своему начальнику сильное оскорбленіе; только желаніемъ нанести оскорбленіе и можно объяснить ихъ этотъ поступокъ.

Но третій, который вовсе не ударилъ фельдфебеля, а только оттолкнулъ его, и то не съ цѣлью оскорбить, а потому, что фельдфебель загородилъ ему дорогу и мѣшалъ пройти,—этотъ третій по всей вѣроятности не зналъ, что придется ему отвѣтить такъ крѣпко.

По той-же 98-ой статьѣ судятъ того, кто нарочно толкнетъ начальника локтемъ или умышленно наступитъ ему на ногу—это тоже называется оскорбленіемъ дѣйствіемъ. Раньше вы видѣли, что за то же самое, если только это сдѣлано нечаянно, судятъ не по 98-ой, а по 96-ой ст., значитъ не за оскорбленіе, а за оказаніе неуваженія.

Теперь послушайте еще вотъ о чемъ.

За каждое преступленіе закономъ назначено нѣсколько наказаній: есть и послабѣе, есть и построже.

За оказаніе неуваженія своему старшему—одно наказаніе; за оказаніе такого-же неуваженія своему начальнику изъ нижнихъ чиновъ—другое наказаніе; а если этотъ начальникъ офицеръ,—то третье наказаніе, конечно еще болѣе строгое. Въ военное время за оскорбленіе начальника сильнѣе наказываютъ, чѣмъ въ мирное.

Кромѣ того всегда увеличиваютъ наказаніе, когда оскорбленный начальникъ исполнялъ въ это время обязанности службы.

А если твой отдѣленный говоритъ тебѣ: „брось папиросу“, коли ты куришь въ непоказанномъ мѣстѣ, то по закону называется, что въ это время онъ находится при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Вообще, когда начальникъ дежуритъ, производитъ ученіе, отдаетъ приказаніе, дѣлаетъ замѣчаніе—все это называется, что онъ исполняетъ обязанности службы. Да и всѣ вы понимаете, что оно такъ и есть.

Кромѣ того нѣкоторые, можетъ быть, не знаютъ, что ефрейторъ, наряженный на дежурство по ротѣ, имѣетъ въ это время всѣ права унтеръ-офицера и за оскорбленіе дежурнаго по ротѣ ефрейтора—тотъ-же отвѣтъ, что и за оскорбленіе унтеръ-офицера.

Я вамъ сказалъ уже, что законъ дѣлаетъ разницу между старшимъ и начальникомъ; хотя всѣ вы должны знать, кто вамъ начальникъ, а кто старшій, все-же я еще разъ вамъ объ этомъ напомню.

Начальниками для каждаго рядового будутъ: во первыхъ, всѣ офицеры, гдѣ-бы они ни служили, потомъ всѣ унтеръ-офицеры своей роты, потомъ свой отдѣленный начальникъ, хотя-бы онъ былъ рядовой даже, и, наконецъ, каждый, кто въ твоей командѣ назначенъ за старшаго. За оскорбленіе священника своей части,

а также военнаго врача или класснаго чиновника своего баталіона (полка) судятъ также, какъ за оскорбленіе офицера, т. е. начальника.

Старшими для рядовыхъ признаются: во первыхъ, всѣ военные врачи и классные чиновники военнаго вѣдомства, потомъ всѣ подпрапорщики, эстандартъ-юнкера, подхорунжіе, фельдфебеля и унтеръ-офицеры, гдѣ-бы они ни служили, потомъ всѣ нестроевые старшаго разряда своего баталіона (полка) и, наконецъ, всѣ ефрейтора своей роты.

Вы знаете, какія должности занимаютъ классные чиновники: они бываютъ дѣлопроизводителями по хозяйственной части, или оружейными мастерами, или классными фельдшерами, или капельмейстерами (обучающій музыкантскій хоръ).

Впрочемъ, иногда эти должности занимаютъ и нестроевые старшаго разряда—кандидаты на классную должность. Дѣлопроизводителемъ по хозяйственной части можетъ быть и офицеръ.

Надѣюсь, что изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, которые я привелъ въ настоящей бесѣдѣ, вы видите, какъ строго требуетъ законъ, чтобы къ начальникамъ относились съ уваженіемъ и какъ строго наказываетъ тѣхъ, кто этого не исполняетъ.

Оказать-же неуваженіе, вовсе не желая этого,—очень легко, въ особенности для тѣхъ, кто не привыкъ думать надъ тѣмъ, что онъ говоритъ или дѣлаетъ.

И мой совѣтъ вамъ, на которомъ я закончу сегодняшнюю бесѣду,—это поразмыслить хорошенько о томъ, что я вамъ разсказалъ, и запомнить тѣ примѣры, которые я привелъ здѣсь.

Если вы больше будете думать о томъ, что говорите или дѣлаете въ присутствіи своихъ начальниковъ и

старшихъ—изъ этого никогда ничего дурного не выйдетъ, а если что выйдетъ,—то только хорошее.

Часто—многое вамъ прощаютъ; часто—за многое, по добротѣ, взыскиваютъ очень слабо, не такъ, какъ собственно полагается; но иногда можетъ и бѣда стрястись—этого никогда забывать не слѣдуетъ.

Третья бесѣда.

Поговоримъ теперь объ уклоненіи отъ службы и о нерадѣніи къ ней, а кромѣ того—о неисполненіи приказаній начальства и объ ослушаніи. Кстати, съ послѣдняго и начнемъ.

Говорится объ ослушаніи въ девяти статьяхъ воинскаго устава о наказаніяхъ—отъ 104-ой до 112-ой.

Статей много потому, что ослушанія бываютъ разныя, разныя назначены за нихъ и наказанія.

Одинъ не исполнилъ приказанія по невниманію—не дослышалъ, что ему говорилъ начальникъ, или по небрежности, или просто запамятовалъ,—а другому два раза сказали, и слышалъ-то онъ отлично, и понялъ и запамятовать не могъ, а все-жъ не захотѣлъ, да и не исполнилъ.

Ну, развѣ можно взыскать съ обоихъ одинаково?

А бываетъ, что иной не только умышленно ослушается, а еще начнетъ сопротивляться исполненію приказанія.

Прикажутъ, напримѣръ, рядовому подъ арестъ идти—а онъ не идетъ; прикажутъ дневальному насильно его свести,—а онъ отъ дневальнаго руками отбивается. Такой, конечно, куда больше тѣхъ двухъ виноватъ.

Потомъ дѣлаютъ еще разницу потому, могли-ли быть важныя послѣдствія отъ ослушанія, или нѣтъ.

Отпустилъ себѣ солдатъ длинные волоса и велятъ ему постричься, а онъ и на другое утро выходитъ на ученіе съ длинными волосами.

Конечно, тутъ есть проступокъ и взыскать за него слѣдуетъ, да не въ тюрьму-же за это сажать, въ особенности, если солдатъ еще попался порядочный.

Здѣсь важныхъ послѣдствій и быть не могло. А иногда отъ неисполненія приказанія, хотя-бы только по небрежности, можетъ выйти что-нибудь и очень не хорошее.

Прикажутъ, напримѣръ, конюху сперва хорошенько выводить вспотѣвшую лошадь, потомъ дать ей простояться, а потомъ и напоить, когда уже часа три послѣ ѣзды пройдетъ.

А конюхъ полѣнился; напоилъ лошадь раньше времени, а самъ ушелъ въ чайную. Въ этомъ случаѣ неисполненіе приказанія имѣло, или могло имѣть, важныя послѣдствія: могла быть испорчена лошадь, которая большихъ денегъ, можетъ быть, стоила.

Конечно, съ такого конюха нельзя взыскать такъ, какъ съ того, кто позабылъ постричься.

Всего-же строже наказываютъ тогда, когда ослушаніе случилось въ военное время и особенно—въ виду непріятеля, или когда оно соединено съ сопротивленіемъ исполненію приказанія, хотя-бы и въ мирное время, или, наконецъ, если два-три или нѣсколько человѣкъ уговорятся между собою въ чемъ-нибудь всѣмъ вмѣстѣ ослушаться.

Перейдемъ теперь къ примѣрамъ.

За ослушаніе только по лѣни или по невниманію, вообще безъ дурного умысла, по статьѣ 104-ой назна-

чено нѣсколько наказаній: можетъ быть, въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, назначено и дисциплинарное взысканіе, а то переводъ въ разрядъ штрафованныхъ, а то даже заключеніе въ военной тюрьмѣ срокомъ до двухъ мѣсяцевъ.

Въ 1886 году по этой статьѣ былъ наказанъ одинъ дневальный.

Приказалъ ему дежурный по ротѣ принести вечеромъ парашу и поставить ее между палатками. Тотъ безпрекословно пошелъ, принесъ и поставилъ.

На утро дежурный приказываетъ ему вынести парашу.

Въ отвѣтъ на это приказаніе дневальный говоритъ ему: „я ее съ вечера принесъ, а вынести есть и другіе дневальные, что же мнѣ все носить“, да такъ и не вынесъ.

Конечно, онъ думалъ, что вполнѣ правъ былъ: свое сдѣлалъ, принесъ, такъ по справедливости слѣдуетъ, чтобы вынесъ другой кто-нибудь.

Такъ-то оно такъ, да не совсѣмъ такъ.

Если ты думаешь, что тебя наряжаютъ на службу неправильно, чаще, чѣмъ другихъ твоихъ товарищей, то можешь, конечно, жаловаться на это, доложить объ этомъ кому слѣдуетъ.

Тамъ разберутъ.

Не исполнить-же приказанія потому только, что ты самъ разсудилъ, что справедливѣе было-бы, если-бы это самое поручили сдѣлать не тебѣ, а кому другому,— права не имѣешь.

За это въ большомъ отвѣтѣ будешь.

Если судъ признаетъ, что кто-нибудь ослушался не по невниманію или нерадѣнію, а умышленно, тогда ужъ заключеніемъ въ военной тюрьмѣ не отдѣлаться.

За это по 105-ой статьѣ полагается отдача въ дисциплинарный баталіонъ, да еще при этомъ на срокъ не менѣе двухъ лѣтъ.

Въ 1874 году въ Главномъ судѣ разбиралось, между прочими, два дѣла, гдѣ къ виноватымъ примѣнили статью 105-ую.

Одинъ изъ нихъ, ефрейторъ, сидѣлъ въ трактирѣ и выпивалъ тамъ. За нимъ пришелъ унтеръ-офицеръ той-же роты и нѣсколько разъ приказывалъ ему выйти изъ трактира.

Ефрейторъ-же этотъ, вмѣсто того, чтобы встать и уйти, какъ-бы оно слѣдовало, остался сидѣть, да еще мало того, позволилъ себѣ сказать унтеръ-офицеру, что ему хочется гулять.

Другой-же, рядовой, отданъ былъ подъ судъ за то, что, когда его остановилъ на улицѣ какой-то офицеръ и приказалъ сказать свою фамилію, такъ онъ фамиліи своей не сказалъ.

Конечно, ихъ обоихъ,—и ефрейтора и рядового,—судъ не помиловалъ.

А то такой былъ случай.

Шла команда на работы; одинъ изъ рядовыхъ по дорогѣ отсталъ.

Старшій въ командѣ, унтеръ-офицеръ, два раза кричалъ ему, чтобы онъ догонялъ товарищей, а онъ отвѣтилъ ему и глупо и грубо: „я и въ морозы шибко не ходилъ, а теперь и подавно“ и приказанія не исполнилъ. Не помиловали и этого.

По той-же 105-ой статьѣ присуждали къ наказаніямъ тѣхъ солдатъ, которымъ офицеръ, встрѣтивъ на улицѣ и сдѣлавъ замѣчаніе, приказывалъ явиться къ своему ротному командиру и доложить ему о сдѣлан-

номъ проступкѣ, и которые этого не исполнялн. Не узнается, молъ.

Зазѣвался человѣкъ на что нибудь интересное и не отдалъ офицеру чести, а тотъ доложитъ объ этомъ въ ротѣ приказалъ.

Доложилъ-бы,—ну, сутокъ на двое, на трое упрятали-бы, да и дѣло съ концомъ; а тутъ побоялся такого наказанія—и на два года въ дисциплинарный баталіонъ пошелъ.

Я думаю, что этихъ немногихъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы объяснить вамъ, какъ строго наказываетъ законъ за ослушаніе.

О тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь еще и сопротивлялся распоряженіямъ начальства, я вамъ въ подробности говорить не буду: по незнанію такого преступленія не сдѣлаешь, а, главное,—очень ужъ, къ счастью, рѣдки такіе случаи: не скоро и примѣръ найдешь.

Скажу только, что наказанія за это полагаются самыя строгія: и каторжныя работы и сама даже смертная казнь—послѣднее въ военное время, въ виду непріятеля.

Такъ-же строго наказывается всякое ослушаніе, если двое или нѣсколько человѣкъ согласятся между собою не исполнить какого-нибудь приказанія: тутъ уже всегда дѣло не дисциплинарнымъ баталіономъ пахнетъ, а тоже каторгой.

Ну, довольно объ этомъ, братцы,—очень ужъ это дѣла нехорошія и солдата недостойныя.

Въ первой бесѣдѣ я вамъ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что называется уклоненіемъ отъ службы.

За этотъ проступокъ, а также за небрежное исполненіе своихъ обязанностей по статьѣ 124 полагается

въ менѣе важныхъ случаяхъ—взысканіе дисциплинарное, а въ болѣе важныхъ—переводъ въ разрядъ штрафованныхъ или даже заключеніе въ военной тюрьмѣ срокомъ до двухъ мѣсяцевъ.

Просматривалъ я лѣтомъ книжку слабыхъ—а лѣтомъ у насъ въ баталіонахъ работы не мало: часовъ по девяти въ сутки—и узналъ тамъ вещь удивительную.

Слыхалъ я раньше, что бываютъ дни тяжелые и дни легкіе, только этому, разумѣется, не вѣрилъ.

Изъ книжки-же слабыхъ увидалъ, что должно-быть это правда.

Лѣтомъ самыми легкими днями оказывались суббота и воскресенье: въ эти дни никого почти и болѣзнь не брала.

Да такъ даже часто бывало, что захвораетъ кто въ тяжелый день: въ среду, въ четвергъ, или тамъ въ пятницу,—глядишь, къ легкому дню, къ субботѣ, такъ уже выправился, что даже въ отпускъ ѣхать записывается.

Подивился я тогда не мало, въ особенности въ концѣ лагеря.

Оказалось, что каждый маневръ приходился непремѣнно въ тяжелый день: по крайней мѣрѣ человѣкъ пять слабыхъ оказывалось, а часто даже и больше.

Вотъ такія-то болѣсти лихія, что пристаютъ къ человѣку только въ будни, а къ празднику проходятъ,—называется тоже уклоненіями отъ службы.

Конечно, за такіе мелкіе случаи сразу подъ судъ обыкновенно не отдаютъ, хотя и могутъ отдать все-таки, а назначаютъ, какъ было уже сказано, дисциплинарное взысканіе.

Но если кто-нибудь былъ уже наказанъ, да можетъ быть не разъ и не два за то-же самое, а потомъ по-

падется опять въ томъ-же, то, вѣроятно, будетъ подъ судъ отданъ.

Тоже самое случается, если и одна ошибка вышла, да только покрупнѣе.

Такъ, напримѣръ, былъ случай, что по 124-ой статьѣ приговорили рядового, который растравилъ себѣ глазъ настолько, что двое сутокъ пролежалъ въ околодкѣ, а сдѣлалъ это затѣмъ, чтобы его назначили на нестроевую должность.

Другого обвинили по той-же статьѣ за то только, что онъ выдумалъ себѣ болѣзнь, чтобы не идти въ караулъ, какъ его очередь подошла.

Нехорошая вещь—уклоненіе отъ службы. И передъ начальствомъ нехорошо, да и передъ товарищами скверно.

Всякій, кто навретъ, что нездоровъ и не можетъ идти въ караулъ или въ другой какой нарядъ, непремѣнно подводитъ товарища.

Нарядъ, коли онъ есть, непремѣнно долженъ быть выполненъ. Не пошелъ одинъ, другому идти приходится. Значитъ за лѣниваго и плохого товарища служба становится тяжелѣе для исправнаго и совѣстливаго.

Если кто-нибудь будетъ разъ отданъ подъ судъ и признанъ виновнымъ по 124-ой статьѣ, а потомъ попадется опять въ томъ-же самомъ проступкѣ, тогда къ нему примѣняютъ уже статью 125-ю.

А по этой статьѣ наказаніе полагается увеличенное: всегда уже заключеніе въ военной тюрьмѣ на время до 4-хъ мѣсяцевъ и во всякомъ случаѣ не менѣе 2-хъ мѣсяцевъ и 2-хъ недѣль.

Въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ, 126-ой и 127-ой, говорится о тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь по-

пытается незаконнымъ путемъ совсѣмъ освободиться отъ службы.

Кто съ этой цѣлью, будучи здоровъ, представитъ свидѣтельство о болѣзни или нарочно причинитъ себѣ поврежденіе здоровья или какое увѣчье—тотъ приговаривается къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ срокомъ отъ одного до трехъ лѣтъ; кромѣ того заставятъ, конечно, дослужить свое время, хотя-бы увѣчье нанесено было такое, съ какимъ съ воли на службу не берутъ.

Вообще по первой изъ этихъ статей наказываютъ каждаго, кто съ помощью какого-нибудь обмана будетъ пытаться увильнуть отъ службы.

Такъ, въ 1886 году по 126 статьѣ былъ наказанъ одинъ новобранецъ.

Послѣ того, какъ его уже приняли въ присутствіи, уговорился онъ со своимъ братомъ, чтобы тотъ назвался его именемъ, да за него бы службу Царскую и отбылъ.

Сказано—сдѣлано.

Только на службѣ уже обманъ открылся. Судили и приговорили къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ, не говоря уже о томъ что и отслужить полный срокъ пришлось.

Бывали случаи, что солдатъ, чтобы избавиться отъ службы, самъ на себя что-нибудь наклеплетъ или даже и вправду сдѣлаетъ такое преступленіе, за которое полагается отдача въ тюрьму гражданскаго вѣдомства съ лишеніемъ воинскаго званія.

Въ такихъ случаяхъ тоже судятъ по статьѣ 126-ой и тоже по отбытіи наказанія заставляютъ отслуживать, сколько тамъ остается.

Такой случай, напримѣръ, былъ въ 1881 году.

Тамъ рядовой оторвалъ крышку отъ сундука товарища и вынулъ оттуда денежное письмо съ пятью рублями. Думалъ—страхъ ловко устроился, сейчасъ и лишатъ по суду воинскаго званія.

Только тотъ добрый человѣкъ, который его надоумилъ, научить-то-научилъ, а того не сказалъ, конечно, что въ судѣ тоже люди сидятъ опытные, которымъ всѣ такія уловки еще лучше, чѣмъ ему самому извѣстны.

Какъ и слѣдовало ожидать, на судѣ все сейчасъ-же открылось. И служить пришлось, и наказаніе за обманъ отбыть. Вотъ и ловко дѣла свои устроилъ.

Вообще, братцы, соврать легко, а обмануть, да еще на судѣ,—куда какъ трудно. Военные суды у насъ не одинъ годъ существуютъ, дѣлъ въ нихъ каждый годъ не мало разбирается, а каждое дѣло записывается.

Какъ ни думай, а такого обмана не придумаешь, за который-бы раньше человѣкъ десятокъ въ разное время не пересудился, такъ гдѣ-же ужъ тутъ обмануть?

По 127-ой статьѣ наказывается не только тотъ, кто самъ себѣ растравитъ рану или причинитъ увѣчіе, чтобы отъ службы уволили, но и всякій, кто сдѣлаетъ или поможетъ это сдѣлать другому.

Даже такъ бываетъ, что того, кто себѣ рану растравилъ, накажутъ меньше, а того, кто ему снадобья далъ, накажутъ не впримѣръ строже.

Вообще по закону не только тотъ виноватъ, кто самъ проступокъ сдѣлалъ, а виноватъ и тотъ, кто ему помогъ, да и тотъ, кто присовѣтовалъ.—Со всѣхъ тропхъ и взыщется. Значитъ и за то отвѣтить можно, что языкъ не во-время сболтнулъ глупое.

И это помнить не мѣшаетъ всѣмъ и каждому.

Четвертая бесѣда.

На этотъ разъ потолкуемъ о самовольныхъ отлучкахъ, о побѣгѣ и о неявкѣ въ срокъ на службу — это все проступки очень одинъ на другой похожіе, и говорится о нихъ въ 12-ти статьяхъ устава о наказаніяхъ: отъ 128-ой до 140-ой.

Разница между самовольной отлучкой и побѣгомъ состоитъ только въ числѣ дней, сколько проболтался безъ разрѣшенія начальства.

Въ мирное время—одни сроки установлены; въ военное время — другіе, много покороче. Начинается-же время считаться военнымъ или со дня выхода Высочайшаго манифеста о войнѣ, и тогда оно считается военнымъ для всей Россіи, или—со дня выхода Высочайшаго приказа о томъ, что такая-то мѣстность (значитъ какая-нибудь губернія, или нѣсколько губерній или одинъ какой нибудь городъ) объявляется на военномъ положеніи.

Въ этомъ второмъ случаѣ проступки, совершенные въ этой мѣстности, считаются сдѣланными въ военное время, а случившіеся въ другихъ городахъ и губерніяхъ, о которыхъ не было объявленія въ Высочайшемъ приказѣ, — считаются совершенными въ мирное время.

О военномъ времени поговоримъ послѣ, а теперь займемся мирнымъ.

Ушелъ солдатъ безъ разрѣшенія изъ казармы въ среду сейчасъ-же послѣ обѣда, а вернулся на слѣдующей недѣлѣ во вторникъ къ обѣду, — былъ значитъ въ самовольной отлучкѣ.

А за самовольную отлучку по статьѣ 129-ой полагается дисциплинарное взысканіе или, въ случаяхъ

болѣе важныхъ, заключеніе въ военной тюрьмѣ срокомъ до 2-хъ мѣсяцевъ.

Прогуляй тотъ-же самый солдатъ еще нѣсколько часовъ, вернись во вторникъ-же къ вечеру, такъ, чтобы хоть однимъ часомъ исполнилось больше 6-ти сутокъ отъ того времени, какъ онъ ушелъ,—считалось-бы уже, что онъ былъ въ побѣгѣ.

За побѣгъ-же наказанія не тѣ назначены.

Въ первый разъ — заключеніе въ военной тюрьмѣ срокомъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Во второй разъ (за второй побѣгъ) — отдача въ дисциплинарный баталіонъ на срокъ до трехъ лѣтъ.

А въ третій разъ—такъ даже ссылка въ Сибирь на поселеніе.

За неявку въ срокъ на службу иногда наказываютъ, какъ за самовольную отлучку, если меньше мѣсяца просрочено, или какъ за побѣгъ—это, если просрочено больше мѣсяца.

Помните только, что все это я говорю о мирномъ времени.

Что-же называется неявкой въ срокъ на службу, постараюсь объяснить вамъ примѣрами.

Сказали новобранцу въ присутствіи, что онъ принятъ, отпустили домой и приказали придти назадъ, скажемъ, въ субботу, а онъ явился только въ понедѣльникъ: дома загулялъ, значитъ. Это вамъ первый примѣръ.

Поѣхалъ солдатъ въ отпускъ. Далп ему билетъ, въ которомъ прописано, что онъ уволенъ на двѣ недѣли, а онъ еще двѣ лишнихъ прогулялъ. Спрашиваютъ: „отчего опоздалъ?“, а онъ твердитъ: „виноватъ“, да больше ничего и прибавить не можетъ путнаго. Никакой законной причины и не было. Это примѣръ второй.

Выздоровѣлъ въ Петербургѣ въ госпиталѣ больной; выдали ему предѣльный билетъ и отправили домой въ Новгородъ.

По закону считается, что въ сутки по желѣзной дорогѣ нужно не меньше 300 верстъ проѣхать; значитъ больному этому всего-то ѣзды однѣ сутки были, а въ казармы онъ только на третій день послѣ отъѣзда явился. Гдѣ два лишнихъ дня болтался — неизвѣстно. Это третій примѣръ.

Приведемъ еще четвертый. Уволили солдатъ послѣдняго срока службы въ запасъ. Ушли они. Прошло времени не мало: года 2—3, и рѣшило начальство опять ихъ собрать на недѣльку-на двѣ, чтобы службы не забывали.

И говоритъ волостной старшина такому запасному солдату, что долженъ ты, молъ, явиться къ такому-то воинскому начальнику во вторникъ утромъ, — а онъ только въ пятницу пожаловалъ, да и то къ вечеру.

Вотъ каждый изъ этихъ четырехъ солдатъ, о которыхъ я только что разсказывалъ, совершилъ проступокъ.

Проступокъ такой называется неявкой въ срокъ на службу.

Если кто просрочитъ такимъ образомъ мѣсяцъ или больше,—то его наказываютъ, какъ за побѣгъ; меньше мѣсяца просрочилъ,—взыскиваютъ, какъ за самовольную отлучку.

Это такъ въ мирное время.

Въ военное время просрочка меньше 15-ти дней считается отлучкой, а больше 15-ти дней—уже побѣгомъ (ст. 140).

Къ наказаніямъ, показаннымъ въ статьѣ 129-ой, а будетъ это, какъ я уже говорилъ, или дисциплинарное взысканіе или даже заключеніе въ военной тюрьмѣ,

но на срокъ не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, приговаривается тотъ, кто, отлучившись самовольно, проведетъ въ отлучкѣ не болѣе шести сутокъ въ мирное время, или не болѣе трехъ сутокъ въ военное время, или не болѣе однихъ сутокъ — въ военное время въ виду непріятеля.

Если-же солдатъ отлучился въ мирное время, да только изъ-подъ ареста или изъ-подъ стражи, то тогда только по этой статьѣ судится, коли вернулся назадъ въ тѣ-же сутки.

Точно также, если онъ не подъ арестомъ былъ, а стоялъ подъ ранцемъ, да, не отстоявъ своихъ двухъ часовъ, отлучился.

Такому тоже сроку однѣ сутки даются.

И, наконецъ, по той-же статьѣ судится, какъ я уже вамъ только что говорилъ, тотъ, кто не явится въ срокъ на службу и опоздаетъ не болѣе мѣсяца въ мирное или не болѣе пятнадцати сутокъ въ военное время.

Кто проведетъ въ отлучкѣ хоть однимъ часомъ больше, чѣмъ каждый изъ этихъ сроковъ, тотъ судится уже за побѣгъ и самое меньшее, къ чему можетъ быть приговоренъ,—это заключеніе въ военной тюрьмѣ срокомъ на 4 мѣсяца.

Пришелъ въ мирное время изъ отлучки на седьмыя сутки—судишься за побѣгъ.

Отлучился изъ-подъ ареста и явился на вторыя сутки—судишься за побѣгъ. На шестнадцать дней опоздалъ на службу въ военное время—опять таки за побѣгъ судишься.

Только тѣмъ льготу дѣлаютъ, кто меньше шести мѣсяцевъ на службѣ находится, да и то не во всѣхъ, а въ нѣкоторыхъ лишь, случаяхъ.

Если отлучился не въ виду непріятеля да не изъ

подъ стражи, то сроки считаются приблизительно вдвое.

Такому молодому солдату отлучка въ мирное время до 15-ти сутокъ считается еще отлучкой, въ военное-же время—до 7-ми сутокъ, а ужъ если дольше этого времени проболтался, то судится за побѣгъ, хотя-бы даже на первый-же день службы отлучился—все равно.

Я думаю, вотъ еще что мало кто изъ васъ знаетъ.

Если кто нибудь самовольно отлучится, а его поймаетъ полиція или задержатъ въ другомъ полку и будутъ спрашивать: „какъ твоя фамилія“, да „гдѣ ты служишь“,—такъ вотъ, если такой солдатъ скроетъ свое имя или мѣсто своего служенія, то онъ будетъ считаться въ побѣгѣ до тѣхъ поръ, покуда не узнаютъ, кто онъ такой.

Скажемъ такъ, хотя-бы.

Убѣжалъ, къ примѣру, солдатъ изъ Пскова.

На шестыя сутки задержали его въ Москвѣ, а онъ уже вольное платье надѣть успѣлъ: въ какомъ полку служилъ—не узнаешь.

Спросили его въ полиціи, кто онъ такой и откуда убѣжалъ.

Отвѣтилъ правильно,—его наказываютъ за самовольную отлучку, значитъ можетъ быть только дисциплинарнымъ взысканіемъ отдѣлается. Не сказалъ — начинаютъ разузнавать, да справки наводить, а время-то все идетъ, да идетъ.

Положимъ, на седьмой только мѣсяцъ удалось узнать, кто онъ есть. Такъ въ этомъ случаѣ наказаніе налагается такое, какъ если-бы его на седьмомъ только мѣсяцѣ изъ бѣговъ поймали.

На моей памяти былъ такой случай.

Мѣсяца за два, а можетъ и за полтора, въ точности

ужъ не помню, во всякомъ случаѣ незадолго до увольненія въ запасъ, отлучился солдатъ изъ лагеря въ Петербургъ.

Запьянствовалъ, конечно.

Потомъ отоспался: не вѣкъ-же пьянъ за полтинникъ будешь. Что теперь дѣлать? Вернуться—страшно: вздуютъ по первое число, можетъ на цѣлый мѣсяцъ подъ арестъ посадятъ. Не дай Богъ!

Вотъ, побоявшись наказанія, онъ не явился назадъ, а бѣжалъ.

Восемь мѣсяцевъ проболтался, гдѣ не побывалъ, чего не извѣдалъ за это время! Натерпѣлся всякаго.

Наконецъ, не въ моготу стало: вернулся.

На ногахъ раны: откуда-то съ Волги пѣшкомъ пришелъ; одѣтъ въ лохмотьяхъ, съ лица, какъ покойникъ, выглядитъ: не каждый день и обѣдать доводилось. Нанимался, въ бѣгахъ будучи, поденно на работу, да все больше къ такимъ попадалъ хозяевамъ, что на работу безъ всякихъ распросовъ ставили, а какъ расчета просилъ, такъ паспортъ спрашивали, да представить въ полицію грозились. Съ такой работы не потолстѣешь.

Не отдать подъ судъ—нельзя было, а помиловать и судъ не могъ.

Жалѣть — всѣ жалѣли, всѣ понимали, какъ человѣкъ натерпѣлся, а простить—никто по закону права не имѣлъ.

Ну, и приговорили въ дисциплинарный баталіонъ, да еще, помнится мнѣ, года на три.

Конечно, кто говоритъ, не сладко-бы было мѣсяцъ подъ арестомъ просидѣть, а все-жъ это не то, что въ дисциплинарный баталіонъ пойти, да еще на три года, да еще въ то время, когда всѣхъ товарищей давнымъ давно уже въ запасъ уволили.

То-то и оно, что значитъ глупость да незнаніе.

Чтобъ спастись отъ дождя, въ рѣку бросился.

Я уже говорилъ вамъ, что въ военное время сроки сокращаются, но кромѣ того еще и самыя наказанія увеличиваются.

Есть и еще случаи, когда они тоже увеличиваются. (Ст. 133).

Какъ не все равно отлучиться просто изъ казармы или изъ-подъ ареста, такъ не все равно бѣжать куда-нибудь въ Россіи или пробраться заграницу.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ и съ того, кто изъ-подъ ареста отлучился, и съ того, кто заграницу перешелъ, взыщется не впримѣръ строже.

Строже взыщется и съ того, кто, кромѣ необходимыхъ, снесъ еще какія-нибудь казенныя вещи или необходимыхъ взялъ съ собой больше, чѣмъ нужно.

Ужъ безъ штановъ да безъ фуражки никто никогда не отлучался: безъ нихъ на улицѣ шагу не сдѣлаешь. Да безъ мундира или безъ шинели тоже не уйдешь, въ зимнее особенно время.

Такія вещи и считаются необходимыми.

А вотъ, если кто ушелъ въ фуражкѣ, а подъ мышкой барашковую шапку взялъ, или вторую пару штановъ про запасъ прихватилъ,—тотъ, конечно, сверхъ необходимыхъ снесъ такія казенныя вещи, безъ которыхъ смѣло могъ-бы обойтись.

Кромѣ этихъ случаевъ увеличиваютъ наказаніе и тогда, когда побѣгъ продолжался дольше шести мѣсяцевъ.

Тому-же, кто явится изъ самовольной отлучки или изъ побѣга добровольно, судъ можетъ уменьшить наказаніе. Конечно, не все равно, самъ-ли одумался и пришелъ, или насильно привели.

При увольненіи въ запасъ существуетъ такой порядокъ.

Перво-на-перво каждый изъ увольняемыхъ отправляется къ своему уѣздному воинскому начальнику, а потомъ уже, какъ сказано въ законѣ, „передается гражданскому начальству“.

Это значитъ, что отъ воинскаго начальника такой солдатъ долженъ ѣхать въ тотъ городъ или въ ту деревню, гдѣ онъ заявилъ, что жить будетъ, и предъявить тамъ въ полицію или сельскимъ властямъ свой запасный билетъ. До этого времени онъ все еще считается состоящимъ на службѣ.

Въ законѣ сказано, сколько верстъ полагается проѣзжать въ сутки по желѣзной дорогѣ, а сколько на почтовыхъ; извѣстно, сколько гдѣ и пѣшкомъ проходить полагается.

По желѣзной дорогѣ—300 верстъ, на почтовыхъ по шоссе—75 верстъ въ сутки, а по проселочной дорогѣ, да на лошадяхъ—50 верстъ.

Гдѣ пѣшкомъ идти приходится,—тамъ всякій разъ особо разсчитываютъ. Называется такой разсчетъ—поверстнымъ срокомъ.

Значитъ, если тебя куда послали, то всегда заранѣе извѣстно, когда ты долженъ пріѣхать на мѣсто.

Если сегодня, въ понедѣльникъ утромъ, выдали тебѣ проходное свидѣтельство, а ѣхать всего 600 верстъ и все время по желѣзной дорогѣ, значитъ полагается тебѣ на проѣздъ двое сутокъ и долженъ ты явиться, куда слѣдуетъ, послѣ завтра въ среду утромъ, значитъ.

Вотъ, если увольняемый въ запасъ не явится въ поверстный срокъ къ воинскому начальнику или потомъ къ гражданскимъ властямъ, которымъ онъ пере-

дается, т. е. въ городскую полицію или въ сельскую, то будетъ онъ считаться совершившимъ или самовольную отлучку или побѣгъ, по тому глядя, сколько времени просрочилъ.

Меньше мѣсяца—отлучка; больше мѣсяца—побѣгъ.

А судятъ за это не въ гражданскомъ, а въ военномъ судѣ и наказанія опредѣляются по тѣмъ-же статьямъ, о которыхъ я говорилъ вамъ въ сегодняшней бесѣдѣ.

Бываютъ случаи, что человѣкъ опаздываетъ не по своей винѣ, а потому, что его задержало что нибудь нежданное-негаданное.

Въ законахъ перечислены причины, по которымъ если человѣкъ и опоздаетъ, то съ него за это не взыскивается, потому-что его вины въ этомъ не было.

Напримѣръ, ѣдешь ты по желѣзной дорогѣ, а впереди гдѣ-нибудь крушеніе случилось и тотъ поѣздъ, на которомъ ты ѣхалъ, задержали на станціи, а ты вслѣдствіе этого на другую дорогу опоздалъ къ поѣзду. Тутъ, конечно, твоей вины нѣтъ.

Нужно только не забыть взять свидѣтельство отъ желѣзнодорожнаго начальства, за печатью, что поѣздъ дѣйствительно былъ задержанъ, иначе твоимъ словамъ не повѣрятъ.

Или, въ особенности какъ ѣдешь весною или осенью по проселкамъ, подъѣхалъ къ рѣкѣ, моста на много верстъ нѣтъ ни внизъ ни вверхъ, а тутъ и паромъ не ходитъ: или ледоходъ, или разливъ большой и бурный, или, наконецъ, потому переправиться нельзя, что ледъ еще не окрѣпъ.

Въ такомъ случаѣ тоже необходимо раздобыться свидѣтельствомъ отъ полиціи или отъ сельскихъ влас-

тей о томъ, что дѣйствительно столько-то времени черезъ рѣку переправы не было.

Наконецъ, такой можетъ быть случай, что расхворался по дорогѣ и дальше ѣхать не можешь, пока не отправишься.

Тогда, если пришлось тебѣ захворать въ такомъ городѣ, гдѣ есть уѣздный воинскій начальникъ,—нужно явиться къ нему и просить, чтобы онъ приказалъ освидѣтельствовать и выдать удостовѣреніе. Если нѣтъ воинскаго начальника—обратись за тѣмъ-же въ полицію.

Вотъ каждый, кто опоздаетъ по одной изъ этихъ причинъ и привезетъ съ собой отъ кого слѣдуетъ свидѣтельство, форменное: съ печатью,—тотъ передъ начальствомъ правъ будетъ и за опозданіе свое не отвѣтитъ.

Къ тому, что я говорилъ уже объ отлучкахъ и побѣгахъ, добавлю еще слѣдующее.

Если кто-нибудь во время отлучки уничтожитъ или продастъ или потеряетъ унесенную съ собою казенную вещь, то и судятъ потомъ такого не за одинъ, а отдѣльно за оба проступка.

И за то, что бѣжалъ, да и за то, что казенное имущество растратилъ.

Говорятъ:—семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

Одинъ-то одинъ, да всегда почти не такой, что за одну бѣду былъ-бы, а построже малость.

Вообще это такая пословица, что ее и позабыть не грѣхъ.

Пятая бесѣда.

Въ концѣ первой бесѣды я вамъ сказалъ, что самая важная въ мирное время служба это караульная.

Часовой—большой человѣкъ. Бываютъ случаи, что ему страхъ какъ много довѣряется. Часто жизнь человѣческая въ его рукахъ да на его разсужденіи, не говоря уже о томъ, что охраняемое имъ имущество иногда многихъ тысячъ стоитъ.

Такъ какъ-же не важная это служба?

Каждый изъ васъ объ этомъ не хуже меня знать долженъ.

Законъ дѣлаетъ большую разницу и совсѣмъ не одинаково наказываетъ за нарушеніе общихъ и за нарушеніе особыхъ обязанностей караульной службы.

Что называется общими обязанностями, а что особыми—всѣ вы тоже знаете; особыя—это тѣ, для исполненія которыхъ и учрежденъ караулъ.

То, что долженъ дѣлать каждый часовой, гдѣ-бы онъ ни стоялъ и что-бы ни охранялъ,—все это въ большинствѣ случаевъ обязанности общія,—если только отъ нарушенія ихъ ничего важнаго для службы произойти не можетъ.

А то, напримѣръ, что долженъ дѣлать только часовой у арестованныхъ, а вовсе не обязанъ дѣлать часовой у денежнаго ящика, или то, что долженъ дѣлать часовой у порохового погреба, а не обязанъ дѣлать часовой у знамени,—вотъ такое все называется особыми обязанностями караульной службы.

Кромѣ того особыми-же обязанностями называются такія, которыя хотя и каждый часовой исполнять долженъ, но отъ нарушенія которыхъ могутъ быть важныя послѣдствія для службы.

Стоитъ часовой у порохового погреба въ Петербургѣ; другой стоитъ у арестованныхъ въ Москвѣ; третій стоитъ у денежнаго ящика въ Нижнемъ Новгородѣ.

Стояли они, стояли,—устали: сѣли на завалинку.

Какія обязанности всѣ они нарушили?

Конечно, общія, потому-что садиться запрещено каждому часовому и на каждомъ посту одинаково, большой-же бѣды для службы быть отъ этого не можетъ.

Теперь дальше. Посидѣли они малость,—скрутили по цигаркѣ. Попыхиваютъ.

А теперь какія обязанности нарушены?

Вотъ Московскій да Нижегородскій опять нарушили общія, а Петербургскій—тотъ нарушилъ уже и особыя: на то его и поставили, чтобы онъ слѣдилъ, да и всякому проходящему запрещалъ курить вблизи погреба, а онъ взялъ, да и самъ закурилъ.

Мимо-же арестованныхъ или денежнаго ящика можно съ папироской пройти, конечно не часовому только.

Понятно, значитъ, что одинъ и тотъ-же проступокъ въ одномъ случаѣ можетъ быть нарушеніемъ общихъ обязанностей, а въ иномъ случаѣ—нарушеніемъ особыхъ.

Все по тому глядя, на какомъ посту сдѣланъ этотъ проступокъ.

Запрещается всѣмъ часовымъ ѣсть и принимать отъ кого-бы то ни было какія-бы то ни было вещи.

А тѣ трое часовыхъ, о которыхъ я только что говорилъ, взяли по булкѣ, да и закусываютъ.

Только Петербургскій свою булку изъ кармана вынулъ, припасена была, а у тѣхъ двоихъ булокъ не было: съ Нижегородскимъ проходящій мимо поста товарищъ подѣлился, а Московскому арестованный черезъ окошечко закуску подалъ.

А было въ этой закускѣ снадобье такое, отъ котораго человѣка сонъ беретъ. Размаяло-то часового, а арестантъ и былъ таковъ,—поминай какъ звали.

Опять, значитъ, всѣ трое на взглядъ одно и то-же сдѣлали, а на дѣлѣ первыхъ двоихъ, можетъ быть, просто подъ арестъ посадятъ—за нарушеніе общихъ обязанностей, а третьему—дисциплинарнаго баталіона не миновать и нарушилъ онъ уже особыя.

Важное дѣло—караульная служба.

Ужъ поставили часовымъ, такъ и себя береги да охраняй, остерегайся самое маленькое нарушеніе сдѣлать.

Не ровенъ часъ—и маленькое на большое выйдетъ.

Не всегда знаешь впередъ, какой можетъ выйти конецъ изъ того, что сдѣлалъ.

За нарушеніе общихъ обязанностей караульной службы можетъ быть наложено и дисциплинарное взысканіе, а можетъ быть назначено и заключеніе въ военной тюрьмѣ срокомъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Къ такимъ-же наказаніямъ приговариваются за отлучку изъ караула, если только отлучился не караульный начальникъ, не конвойный отъ арестованнаго и не часовой съ поста, а, скажемъ, караульный унтеръ-офицеръ или кто изъ отдыхающей смѣны (статьи 153-я и 155-я).

За нарушеніе особыхъ обязанностей караульной службы, т. е. тѣхъ, для исполненія которыхъ учрежденъ карауль, полагается отдача въ дисциплинарный баталіонъ срокомъ до трехъ лѣтъ.

Такъ же наказывается за самовольную отлучку караульный начальникъ, конвойный и часовой съ поста (статьи 154-я и 155-я).

Въ разное время многіе были наказаны по этой статьѣ.

Такъ въ 1886 году былъ присужденъ къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ часовой у цейхгауза, который поставилъ ружье въ будку, а самъ пошелъ ходить безъ ружья.

Конечно, онъ нарушилъ этимъ особыя обязанности караульной службы, хотя и всѣмъ часовымъ запрещается выпускать ружье изъ рукъ, а не тѣмъ только, что къ цейхгаузу поставлены.

Такимъ проступкомъ нарушены тѣ обязанности, для исполненія которыхъ постъ назначенъ, и послѣдствія нарушенія могутъ быть важныя.

Ну, какой-же это часовой, кто свое оружіе оставилъ? Напади на него втроемъ: двое къ часовому, а третій къ ружью, такъ онъ не только не будетъ въ состояніи поста своего защитить, а даже въ караульный домъ не дастъ знать выстрѣломъ, что творится что-то неладное. Ужъ это и не часовой.

Годомъ раньше пошелъ въ дисциплинарный баталіонъ за отлучку съ поста часовой, который приставилъ ружье къ стѣнѣ, а самъ отошелъ всего на нѣсколько шаговъ въ сторону: для естественной надобности.

А три года спустя—третій часовой, который, когда арестанты начали между собою переговариваться, не только этого не воспретилъ имъ, а еще и самъ вступилъ съ ними въ бесѣду.

Такъ-же былъ наказанъ въ 1872 году часовой у порохового погреба, который закурилъ папиросу.

Я уже вамъ говорилъ, почему это будетъ нарушеніемъ не общихъ, а особыхъ обязанностей.

Не одинъ разъ отправляли въ дисциплинарный баталіонъ конвойныхъ при арестованныхъ, которые

засыпа́ли, стоя на часахъ, или и не засыпа́ли, а выпускали изъ рукъ ружье.

Караульный начальникъ не имѣетъ права уволить въ отлучку никого изъ чиновъ караула, и всѣ они должны это знать.

Потому самовольно-ли ушелъ, караульный-ли начальникъ въ отлучку незаконно уволилъ,—все равно отвѣтъ несешь.

Въ первомъ случаѣ одинъ подъ судъ идетъ, а во второмъ обоихъ отдадутъ: и начальника и подчиненнаго.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, которые я вамъ до сихъ поръ разсказалъ, виновными были часовые, они-же и несли наказаніе.

Теперь перейду къ разводящимъ.

Въ 1883 году былъ присужденъ къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ одинъ разводящій, который легъ спать и не велѣлъ будить себя для смѣны, часовымъ-же приказалъ смѣняться самимъ.

Онъ былъ наказанъ, а часовые въ отвѣтѣ не были.

Приказано имъ было смѣняться—они и смѣнялись, а не могли-же они своего начальника насильно по постамъ таскать, коли онъ самъ идти не хотѣлъ.

Ихъ вины, значитъ, въ этомъ и не было.

Въ 1890-мъ году такое-же наказаніе было разводящему, который велъ по городу смѣну на посты и, проходя мимо мелочной лавочки, оставилъ караульныхъ подождать его на улицѣ, а самъ зашелъ купить себѣ табаку.

Много было случаевъ, когда разводящіе такъ-же крѣпко отвѣчали за то, что разрѣшали часовымъ смѣняться самимъ или увольняли ихъ каждаго по одиночкѣ, прямо со своего поста въ караульное помѣще-

ніе. Судъ все это признавалъ нарушеніемъ особыхъ обязанностей.

Особыя обязанности—это тѣ, для которыхъ и самый караулъ учрежденъ.

Тутъ-же всѣ эти разводящіе, о которыхъ рѣчь была, того-то именно и не дѣлали, для чего установлена сама должность разводящаго.

Снижвали въ дисциплинарномъ баталіонѣ и караульные начальники.

Въ 1879 году такъ былъ наказанъ одинъ начальникъ караула, который такъ пьянъ напился, что не могъ исполнять своихъ обязанностей.

Здѣсь, конечно, нарушеніе особыхъ обязанностей.

Не все-ли равно, отлучился-ли начальникъ или такъ нахлестался, что вмѣсто человѣка бревно сдѣлалось, да еще глупое бревно въ добавокъ?

Въ 1877 году другой начальникъ караула понесъ такое-же наказаніе; онъ позволилъ пронести къ арестованному водку и кромѣ того допустилъ къ нему земляка повидаться.

Эти оба, конечно, знали, на что шли, и не могли думать, что ихъ за это по головкѣ погладятъ; разсчитывали, вѣроятно, что никто объ этомъ не узнаетъ, да такъ дѣло и пройдетъ, а тутъ зашелъ кто-нибудь повѣрить караулъ,—такъ все и открылось.

А вотъ въ 1872 году было дѣло, которое такъ-же печально кончилось.

Такъ вотъ тамъ проступокъ могъ произойти только отъ нетвердаго знанія устава.

Захотѣлъ начальникъ караула наружныхъ часовыхъ провѣрить.

Что-жъ, дѣло хорошее; отчего-жъ ихъ и не повѣрить, чтобы на постахъ не дремали?

Нужно только было сдѣлать это умѣючи. Нарядить бы ему патруль, да за старшаго разводящаго назначить—и гуляй патруль по постамъ.

Кромѣ похвалы ничего-бы за это начальнику караула и не было.

А онъ возьми, да и самъ съ патрулемъ пойди: позабылъ, что ужъ кому-кому, а ему-то ужъ строго-настрого запрещено отлучаться изъ караульнаго помѣщенія.

И хотѣлъ хорошо сдѣлать, а вышло дурно, потому-что не зналъ, какъ нужно сдѣлать.

Думалъ-ли онъ, что придется такъ крѣпко за свое неумѣлое усердіе отвѣтить?

А вѣдь какъ легко было этого избѣжать!

Времени у караульнаго начальника, слава-те Господи, не занимать стать, уставъ гарнизонной службы въ каждомъ караульномъ помѣщеніи имѣется: возьми, прочти, что требуется, и всегда знать будешь, какъ поступить; не сунешься въ воду, не спрося броду.

Всѣ эти наказанія, о которыхъ я говорилъ выше, опредѣлены для мирнаго времени и для такихъ случаевъ, когда отъ сдѣланнаго проступка не произошло никакого особеннаго вреда для службы.

Въ военное-же время или во время какого-нибудь бѣдствія: пожара, наводненія и т. п.,—они усиливаются.

Усиливаются они также и въ такомъ случаѣ, когда отъ такого нарушенія произошли важныя послѣдствія: бѣжалъ арестованный, взорвался погребъ, вспыхнулъ пожаръ или пропало бывшее подъ сдачею имущество. (Статья 156-я).

За нарушеніе особыхъ обязанностей караульной службы или за отлучку изъ караула въ виду непрія-

теля полагается или каторжная работа или даже смертная казнь (Статьи 157-я и 158-я).

За нѣкоторыя преступленія чины караула и въ мирное время приговариваются къ ссылкѣ въ каторжныя работы (Статьи 159-я и 160-я).

Это если кто-нибудь изъ нихъ самовольно выпуститъ арестанта, хотя-бы даже вовсе и не съ цѣлью помочь ему бѣжать, или если кто изъ нихъ уничтожитъ, или повредитъ или украдетъ что изъ охраняемаго карауломъ имущества.

Такъ въ 1876 году двое пошли въ каторгу: одинъ начальникъ караула, который сдался на просьбы арестованныхъ и отпустилъ ихъ ночью часа на три въ городъ; потомъ одинъ часовой, котораго арестованный упросилъ позволить ему самому сходить въ лавочку за водкой.

Въ обоихъ случаяхъ арестованные и не думали бѣжать, а въ условленное время сами вернулись, какъ и обѣщали.

Такъ-же, какъ и за поврежденіе охраняемаго имущества, такія самыя наказанія полагаются за кражу его, какъ-бы мало ни стоило похищенное.

Горитъ мелочная лавочка.

Вызвали команду, назначенную на случай пожара, разставили часовыхъ.

Около одного часового складываютъ товаръ, который спасаютъ изъ огня, и сдаютъ ему на охраненіе.

Такъ вотъ, если этотъ часовой какой ни на есть пустякъ изъ этого товару да себѣ въ карманъ положитъ, хотя-бы восьмушку табаку-махорки, которой и цѣна-то вся—четыре копѣйки, его будутъ судить за похищеніе охраняемаго имущества.

И далеко можно уйти за такую восьмушку табаку.

Думаю, братцы, что всѣми этими примѣрами я достаточно выяснилъ вамъ, какъ смотритъ законъ на нарушеніе обязанностей караульной службы и какъ за нихъ наказываетъ.

Теперь, въ заключеніе, скажу вамъ объ отвѣтственности дежурныхъ, дневальныхъ и сторожей, назначенныхъ охранять какое-нибудь зданіе или имущество.

Объ этомъ говорится въ статьѣ 161-ой.

За отлучку дежурнаго, дневальнаго или сторожа, а также за то, если кто нибудь изъ нихъ не будетъ исполнять, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей, за это въ неважныхъ случаяхъ можетъ быть наложено дисциплинарное взысканіе; въ болѣе-же важныхъ случаяхъ по статьѣ 161-ой можетъ быть назначено судомъ заключеніе въ военной тюрьмѣ срокомъ до двухъ мѣсяцевъ.

То-же самое относится до вѣстовыхъ и посыльныхъ, которыхъ наряжаютъ въ штабы, въ канцеляріи и къ начальствующимъ лицамъ.

Не думаю, чтобы всѣ вы знали, что можетъ попасть въ тюрьму тотъ вѣстовой, который самовольно отлучится изъ канцеляріи или который не туда пойдетъ, куда его послали, а зайдетъ за своимъ дѣломъ сначала. А это такъ, однако.

Каждый солдатъ долженъ знать уставы.

Даже изъ этихъ бесѣдъ вы могли видѣть, какъ легко попасть въ бѣду тому, кто въ нихъ не твердъ.

Обучаютъ васъ всѣхъ служебнымъ свѣдѣніямъ, но этого одного мало: не мѣшаетъ иногда и самому въ свободное время взять уставъ въ руки и прочитать страницу-другую, да повнимательнѣе.

И мой вамъ совѣтъ: куда-бы кто изъ васъ ни былъ наряженъ—въ караулъ-ли, дежурнымъ-ли, дневальнымъ-ли, или сторожемъ — всегда наканунѣ, какъ вступить

въ нарядъ, просмотри ту страничку устава, въ которой говорится о твоихъ завтрашнихъ обязанностяхъ.

Самому прочесть трудно—товарища попроси.

Во всякомъ случаѣ въ проигрышѣ не будешь, а можетъ статься, что и отъ большой бѣды спасетъ тебя она,—эта во время прочитанная страничка.

Шестая бесѣда.

Во всей нашей арміи нѣтъ такого солдата, у котораго не было-бы на рукахъ казеннаго имущества.

Какъ только привели новобранца въ роту, да выдали ему фуражку—вотъ ужъ у него казенное имущество, можетъ быть первое, а можетъ уже и не первое: инымъ еще до отправленія въ часть шинель воинскій начальникъ выдалъ или шапку.

По прежнимъ законамъ мундирная одежда не весь свой вѣкъ казенною считалась.

Полагался мундиръ на извѣстный срокъ, такъ въ этотъ только срокъ и считался казеннымъ.

Проносилъ его, сколько полагалось—онъ уже твоимъ собственнымъ становился: воленъ ты былъ его продать, воленъ подарить; даже если-бы и въ печкѣ сжегъ, то отвѣтилъ бы за то только, что въ казармѣ-бы жженой шерстью запахло.

Теперь-же законъ другой вышелъ.

Теперь казна одѣваетъ солдата, но мундирной одежды не даритъ ему, даритъ только однѣ годовыя вещи, да и то черезъ годъ послѣ ихъ выдачи.

Прошлогодняго галстуха никто съ тебя не спроситъ.

Такъ вотъ, если теперь ты мундиръ не одинъ, а

два срока проносилъ и остался отъ него въ цѣлости воротникъ только да двѣ пуговицы, мѣдныя или оловянныя,—все-таки и воротникъ этотъ не твой и тѣ пуговицы казенныя.

Значитъ, мундирная одежда выдается на руки только на время, а потомъ отбирается, хотя-бы отъ носки пришла она въ видъ, совершенно негодный.

Когда увольняютъ людей въ запасъ, то имъ оставляютъ штаны, шинель и фуражку. Въ зимнее время кромѣ этого даютъ еще мундиръ.

Только это вовсе не значитъ, что тебѣ обязаны дать ту самую именно шинель, которую ты и на службѣ носилъ.

Если эта шинель очень хороша, ее и отобрать могутъ, а тебѣ выдать другую, похуже.

Увольняемымъ въ запасъ затѣмъ только одежда полагается, чтобы имъ было въ чемъ дойти до дому, такая имъ и выдается.

Обиды въ этомъ никому нѣтъ, потому-что такъ по закону слѣдуетъ.

Если, значитъ, мундирная одежда — это имущество казенное, то и за утрату ея взыскиваютъ, какъ за утрату казенныхъ вещей.

Законъ дѣлаетъ вотъ какую разницу.

За промотаніе мундирныхъ или аммуничныхъ вещей— одни наказанія, а за растрату казеннаго оружія, патроновъ или лошади — другія наказанія, строже первыхъ.

Пропасть каждая вещь можетъ отъ трехъ причинъ.

Можно ее нечаянно потерять, можно ее безъ нужды оставить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не полагается, а потомъ и не найти; можно ее, наконецъ, и нарочно въ

печку или въ воду бросить: пропадай, моль, ты пропадомъ!

О четвертой причинѣ я уже не говорю: каждую вещь продать или заложить можно, а деньги на что-нибудь извести.

Конечно, разный за это и отвѣтъ.

Шелъ солдатъ по мосту, зацѣпилъ за перила штыковой ножной, — перевернулась она и штыкъ выскочилъ, да въ воду и свалился.

Утрата здѣсь неумышленная; наложатъ на такого солдата дисциплинарное взысканіе—тѣмъ дѣло и кончится.

Значитъ, если кто потеряетъ казенную вещь нечаянно, безо всякаго злого умысла, то подъ судъ его за это, вообще говоря, не отдадутъ, а накажутъ по усмотрѣнію своего начальства; это тогда, если потеря случилась съ нимъ въ первый разъ.

Теперь посмотримъ, за что-же отдаютъ подъ судъ и какія назначаютъ наказанія.

Казенныя вещи могутъ быть выданы солдату для употребленія, а могутъ быть сданы ему только на храненіе.

Мундиръ, штаны, фуражка, ружье, пружинные патроны, ранецъ, манерка — это все вещи, которыя выдаются для употребленія и есть онѣ у всякаго. Въ кавалеріи и артиллеріи у солдата—хотя и не у каждаго—состоитъ еще на рукахъ строевая лошадь.

На храненіи-же казенныя вещи имѣются не у всѣхъ, а только у нѣкоторыхъ должностныхъ: у артельщика, напримѣръ, у каптенармуса, у ротнаго копюха и такъ далѣе.

У каптенармуса въ цейхгаузѣ лежитъ много добра:

не мало мундировъ, шинелей, фуражекъ, аммуниціи всякой и тому подобныхъ вещей.

Но надѣвать ихъ самому или безъ разрѣшенія выдавать другимъ—онъ не имѣетъ права; его дѣло—слѣдить, что-бы все это въ порядкѣ лежало, да чтобы моль чего не поѣла, или крысы не попортили.

У артельщика на рукахъ бываютъ деньги и находятся запасы продуктовъ, которые въ котелъ кладутся; у конюха — лошадь, повозки, сбруя, овесъ, сѣно и солома.

Сперва я вамъ разскажу, какой отвѣтъ бываетъ за растрату вещей, выданныхъ для собственнаго употребленія, а потомъ — какія налагаются наказанія за незаконное обращеніе съ имуществомъ, сданнымъ солдату на храненіе.

Въ 162-ой статьѣ сказано, что за промотаніе выданныхъ для употребленія аммуничныхъ вещей на первый разъ полагается заключеніе въ военной тюрьмѣ на срокъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ.

А кто разъ уже отбудетъ это наказаніе, а потомъ опять что-нибудь растратитъ, то во второй разъ приговаривается также къ одиночному заключенію, но только на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Подольше значитъ.

За такую-же растрату, сдѣланную въ третій разъ, послѣ того, какъ два раза судили и признали виновнымъ, полагается уже отдача въ дисциплинарный баталіонъ на срокъ отъ одного до трехъ лѣтъ.

За промотаніе оружія, или какой-нибудь части его, патроновъ, или лошади, какъ я уже говорилъ раньше, назначаются наказанія болѣе строгія: за это и на первый разъ по статьѣ 163-й — отдача въ дисциплинарный баталіонъ, срокомъ до трехъ лѣтъ.

Значитъ, растратилъ въ первый разъ какую-нибудь мундирную или аммуничную вещь—фуражку-ли, штыковую-ли ножну, ружейный-ли ремень, поясъ-ли съ бляхой—за это судъ посадитъ въ тюрьму и не больше, какъ на два мѣсяца.

А въ первый-же разъ промоталъ штыкъ, отвертку, протирку, патроны караульные, шомполъ, или цѣлое ружье—за это меньше чѣмъ на годъ въ дисциплинарный баталіонъ и наказанія нѣтъ.

Вообще, какую-бы часть ружья или ружейной принадлежности (кромѣ ремней) не растратить, хотя-бы даже одну только шпильку—все равно судятъ по статьѣ 163-ей, значитъ за промотаніе оружія. При этомъ одинъ отвѣтъ—свой-ли штыкъ пропилъ, или штыкъ своего товарища.

Кто нарочно испортитъ свою мундирную или аммуничную вещь, тотъ приговаривается къ заключенію въ военной тюрьмѣ срокомъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Если-же умышленно испорчена лошадь или оружіе то опять-таки меньше дисциплинарнаго баталіона и наказанія нѣтъ.

Совершенно такія-же наказанія полагаются по статьямъ 164-й и 165-й тому, кто нарочно и безъ уважительной причины броситъ свою аммунпцію, ружье или лошадь, или оставитъ ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ хранить ихъ не полагается.

Такъ въ 1873 году былъ отправленъ въ дисциплинарный баталіонъ одинъ солдатъ, который, задумавъ бѣжать, передъ этимъ, собираясь въ путь-дорогу, снесъ свою винтовку въ швальню, да тамъ ее и оставилъ, не сказавъ ни полслова объ этомъ кому-бы то ни было.

Въ 1878 году былъ другой похожій на этотъ слу-

чай: тамъ солдатъ оставилъ свое ружье въ прихожей управленія воинскаго начальника, а самъ ушелъ въ казарму,

Обѣ эти винтовки пропали.

Конечно, ни швальня, ни прихожая воинскаго начальника—не мѣсто для храненія оружія. Слѣдовательно тотъ, кто, не получивъ на это никакого приказанія, самъ безъ всякой уважительной причины оставилъ свою винтовку въ такомъ мѣстѣ,—значитъ тотъ ее покинулъ. Такъ на это дѣло законъ смотритъ.

Объ этомъ не мѣшаетъ вѣстовымъ (посыльнымъ) помнить.

Когда ихъ отпускаютъ обѣдать, то вовсе имъ не полагается оставлять на это время свое ружье на кухнѣ того начальника, къ которому они были присланы.

За это можно сильно отвѣтить: по 165-й статьѣ; а по статьѣ этой, какъ я уже говорилъ, ни больше ни меньше какъ дисциплинарный баталіонъ выходитъ.

Опять повторяю, что за совершенно неумышленную утрату аммуниціи, оружія и даже лошади полагается только дисциплинарное взысканіе; конечно, въ такомъ только случаѣ, если потерявшій казенную выданную ему для употребленія вещь не оставилъ ее безъ уважительной причины въ неуказанномъ мѣстѣ, т. е. если онъ ее не бросилъ.

Наказанія, о которыхъ я говорилъ въ этой бесѣдѣ, уменьшаются тому, кто добровольно пополнитъ растраченное имущество.

Напримѣръ, случился грѣхъ, промоталъ свой мундиръ, а потомъ купилъ или сшилъ другой, не хуже казеннаго, что былъ, да и сдалъ его на мѣсто того.

Въ такомъ случаѣ судъ назначитъ, конечно, наказаніе—отсидки ужъ не миновать, хотя мундиръ и на

лицо, но все-таки на меньшій срокъ посадятъ, чѣмъ такого, кто промотать—промоталъ, а пополнить—не пополнилъ.

Растрата казеннаго имущества—большой грѣхъ для солдата, и отвѣтъ за него несетъ не только тотъ, кто его сдѣлалъ, но и тотъ, кто ему въ этомъ помогъ.

Напримѣръ, купилъ вещь, зная, что она казенная, или въ закладъ ее взялъ (Статья 166).

И вещь такую, незаконно купленную, отберутъ, ничего за нее незаплативши, да еще по суду накажутъ.

Такъ въ 1887 году былъ наказанъ одинъ рядовой, который купилъ у своего товарища казенные штаны и передѣлалъ ихъ на вольные. Штаны у него эти отобрали, да самого еще въ тюрьму посадили—вотъ и выгодная вышла покупка.

Конечно, если-бы онъ не зналъ, что покупаетъ казенную вещь, то въ тюрьму не пошелъ-бы.

Напримѣръ, если-бы тотъ, кто ему продалъ, сперва уничтожилъ-бы клейма и перешилъ-бы такъ, что и узнать нельзя было-бы, казенная это вещь или нѣтъ, а тогда, передѣлавши уже, и продалъ.

Тутъ покупатель-бы не виноватъ вышелъ: видитъ вещь не казенная, не знаетъ, что она краденная, думаетъ, что своя собственная,—значитъ купить ее можно, запрету нѣтъ.

Одинъ-бы тотъ и въ тюрьму пошелъ, кто продалъ.

Я уже говорилъ вамъ, какая разница между казенными вещами, выданными солдату для употребленія и состоящими у него на храненіи.

Напримѣръ, у каптенармуса и такія и такія вещи есть.

Мундиръ, который ему полагается носить, выданъ

для употребленія, а тѣ мундиры, что въ цейхгаузѣ лежатъ и тотъ между ними, который на него самого пригнанъ, но на руки не выданъ,—эти всѣ сданы ему на храненіе.

За растрату довѣреннаго по службѣ имущества полагаются по статьѣ 232 разныя наказанія, самое маленькое изъ нихъ,—это заключеніе въ военной тюрьмѣ на срокъ отъ 1½ до 2 мѣсяцевъ съ половиною.

Въ другихъ случаяхъ—въ тюрьму-же сажаютъ, но на бо́льшій срокъ, въ третьихъ случаяхъ—въ дисциплинарный баталіонъ отдаютъ; иногда такъ и въ Сибирь на поселеніе ссылаютъ.

Всего меньше наказываютъ того, у кого совѣсти побольше.

Если кто сдѣлаетъ растрату, да потомъ раздумаетъ про себя, что не хорошо онъ это сдѣлалъ, и пополнитъ свою растрату, самъ добровольно, покуда еще никто не знаетъ, что съ нимъ грѣхъ случился—такому и наказаніе самое легкое изъ всѣхъ перечисленныхъ.

Кто-же пополнитъ растрату тоже добровольно, но уже послѣ того, какъ его дѣло открылось—не по совѣсти, значитъ, а изъ страха отвѣта—тому съ наказанія также сбавку дѣлаютъ, только не такую большую.

Самый-же строгій отвѣтъ несетъ тотъ, кто промоталъ, да не пополнилъ: если стоимость растраченнаго имущества больше 300 рублей, то по статьѣ 232-й за это слѣдуетъ ссылка въ Сибирь на поселеніе.

Въ 1887 году по этой статьѣ приговоренъ былъ къ заключенію въ тюрьмѣ каптенармусъ, который продавалъ казенный хлѣбъ, а годомъ раньше—кашеваръ за то, что съѣлъ часть сала, которое ему выдалъ артельщикъ и приказалъ положить въ котелъ.

Такъ вотъ, значитъ, какое принять можно наказаніе за кусокъ сала.

Я нарочно выбралъ изъ многихъ эти два примѣра, чтобы показать вамъ, какъ строго взыскиваетъ законъ за похищеніе или растрату всего казеннаго,—куска сала даже, коли онъ казенный.

Можетъ быть этотъ кашеваръ не разъ то-же продѣлывалъ; сошло нѣсколько разъ съ рукъ, такъ думалъ, что и всегда сойдетъ; а то можетъ, по глупости, и за грѣхъ не считалъ взять съѣстное.

А тутъ дежурный попался строгій, знающій свои обязанности: увидѣлъ неладное и доложилъ, кому слѣдуетъ.

Казенный, братцы, это тоже, что Царскій.

Хлѣбъ вы Царскій ѣдите, мундиръ Царскій носите, съ Царскимъ-же ружьемъ на ученіе васъ выводятъ. На что въ ротѣ ни взглянулъ—все это Царское добро выходитъ. Такъ и понимать нужно, такъ и беречь его слѣдуетъ.

Седьмая бесѣда.

Во всѣхъ бесѣдахъ, которыя до сихъ поръ были прочитаны, вы видѣли, что за нѣкоторые проступки и судъ приговариваетъ къ наказаніямъ дисциплинарнымъ, которыя могли-бы быть наложены прямо властью начальства.

Если по ошибкѣ, вовсе не желая оказать начальнику неуваженія, обмолвится солдатъ, да и скажетъ унтеръ-офицеру „ты“;

Если кто по легкомыслію лишній разъ слабымъ запишется;

Если даже кто въ караулѣ маленькую провинку сдѣлаетъ;

Если кто на короткое время опоздаетъ изъ отпуска явиться и если кто, наконецъ, совершенно нечаянно казенную вещь потеряетъ — за каждый изъ этихъ проступковъ, какъ уже было говорено раньше, по закону полагается взысканіе дисциплинарное.

Въ прежнихъ бесѣдахъ мы въ каждой толковали съ вами о такихъ проступкахъ, которыхъ въ слѣдующихъ не касались уже больше.

Такъ, напримѣръ, о нарушеніяхъ обязанностей караульной службы говорилось въ одной только пятой бесѣдѣ, о самовольныхъ отлучкахъ—въ одной четвертой только, и такъ далѣе.

Теперь-же я нарочно выбралъ по одному примѣру изъ каждой бесѣды; къ чему я веду—сейчасъ увидите, замѣтьте только, что въ этихъ примѣрахъ за всѣ проступки наказанія полагаются легкія: безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ.

Если опустить ведро въ колодецъ, а потомъ вытащить—ведро сразу будетъ полное; если понемножку ковшикомъ налить его до верху — оно тоже будетъ полное.

Разница въ томъ только, что понемножку наливать дольше, а въ концѣ концовъ одно на одно выйдетъ.

Очень-бы ошибся тотъ, кто въ разсчетѣ, что маленькимъ ковшикомъ не налить большого ведра надѣялся бы, что всегда за маловажные проступки и взысканія будутъ легкія.

На это въ Воинскомъ Уставѣ о наказаніяхъ есть статья 191-ая. По этой статьѣ отдаютъ подъ судъ тѣхъ, кто нѣсколько разъ попадался, отдѣлывался дисциплинарными взысканіями, но не исправился и опять по-

пался въ чемъ нибудь такомъ, за что за одно, если-бы раньше хорошо себя велъ, подъ судъ-бы не отдали.

А наказанія по этой статьѣ опредѣлены: на первый разъ переводъ въ разрядъ штрафованныхъ или одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ на время отъ одного мѣсяца до двухъ съ половиною, а во второй разъ — тоже заключеніе, но на срокъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Въ той статьѣ, напримѣръ, гдѣ сказано, что за нечаянную утрату казеннаго имущества полагается дисциплинарное наказаніе, тамъ прямо говорится, что это только на первый разъ.

Значитъ, если съ кого уже взыскали за потерю штыка, положимъ, а онъ спустя нѣсколько времени поясъ съ бляхой потерялъ, то на этотъ разъ его предаютъ суду по 191-ой статьѣ.

За пьянство, за буйство, за драки, за самовольныя отлучки—за все за это судятъ по той-же статьѣ, если только такіе проступки повторяются.

Если съ хорошимъ, исправнымъ солдатомъ какой небольшой грѣхъ случится и въ томъ-же самомъ попадется другой, у котораго цѣлая страница въ журналѣ взысканій вдоль и поперекъ исписана—нельзя-же обоихъ наказать одинаково.

Отъ этого и происходитъ иногда, что за одинаковыя ошибки наказанія выходятъ разныя; одного подъ арестъ посадятъ, другого подъ судъ отдадутъ.

Несправедливости тутъ никакой нѣту: несправедливо, напротивъ, было-бы подвести подъ одну мѣрку и дурного и хорошаго.

Теперь пойдемъ дальше.

Если кто будетъ скандалить: заведетъ тамъ драку, ругань или иное безобразіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ обык-

новенно кромѣ солдатъ бываютъ также и вольные, то, если его вина малая будетъ, отдѣлается онъ дисциплинарнымъ взысканіемъ, а чуть вина будетъ побольше, — то его по статьѣ 192-ой могутъ приговорить къ переводу въ разрядъ штрафованныхъ и даже къ заключенію въ военной тюрьмѣ срокомъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Такими мѣстами, гдѣ кромѣ солдатъ бываютъ обыкновенно вольные, будутъ: улица, трактиръ, лавка всякая, станція желѣзной дороги и пароходная пристань, театръ и торговая баня, исключая тѣхъ дней, когда она нанята для однихъ солдатъ, и такъ далѣе.

Всѣ такія мѣста называются публичными, потому-что въ нихъ собирается публика, народъ то есть.

Всѣ вы, конечно, знаете, что солдатамъ строго-настрого запрещается играть на деньги въ карты, въ кости, въ орлянку и вообще во всякую такую игру.

За нарушеніе этого правила въ обыкновенныхъ случаяхъ накладываютъ дисциплинарное взысканіе, въ нѣкоторыхъ-же, особенныхъ, случаяхъ за такую игру прямо подъ судъ отдаютъ и полагается за это по 194-ой статьѣ заключеніе въ военной тюрьмѣ срокомъ до четырехъ мѣсяцевъ, а не то могутъ и въ дисциплинарный баталіонъ упрятать, да на время до трехъ лѣтъ.

Такимъ наказаніямъ подвергаются тѣ, которые будутъ играть въ карты въ караулѣ.

Такъ-же взыскиваютъ и съ того, кто устроитъ запрещенную игру на деньги со своими подчиненными; напримѣръ: начальникъ отдѣленія съ людьми своего отдѣленія, или взводный съ людьми своего взвода.

Начальникамъ и старшимъ строго запрещено также занимать у своихъ подчиненныхъ деньги.

За это на первый разъ полагается дисциплинарное

взысканіе, во второй разъ кто попадется — подъ судъ отдадутъ, а судъ по статьѣ 195-ой можетъ высидку въ военной тюрьмѣ назначить, до четырехъ мѣсяцевъ.

Проступки, о которыхъ я говорю въ этой бесѣдѣ, называются нарушеніями воинскаго благочинія.

Нарушеніе это можетъ выразиться еще вотъ въ чемъ.

За усердіе къ службѣ и хорошее поведеніе рядовыхъ повышаютъ въ ефрейтора, а тѣхъ, кто кромѣ того еще и классы окончилъ, производятъ въ унтеръ-офицеры.

Ефрейторамъ для отличія отъ рядовыхъ нашиваютъ одну полоску на погоны, а унтеръ-офицерамъ нашиваютъ ихъ двѣ или три, а на воротникъ и на обшлага мундира даютъ галуны.

За сверхсрочную службу унтеръ-офицерамъ полагаются серебряные и золотые шевроны на рукава, медали: серебряныя и золотыя, для ношенія на груди и на шеѣ.

Даютъ еще знакъ отличія ордена св. Анны.

За подвиги въ военное время получаютъ знаки отличія военнаго ордена.

Тѣмъ, кто былъ на войнѣ, выдаютъ иногда медали—на память объ этомъ.

Медали-же даются за спасеніе погибавшихъ; тонулъ, напримѣръ, человѣкъ, а ты его вытащилъ.

Наконецъ, кто хорошо стрѣляетъ, получаетъ знакъ за отличную стрѣльбу, а можетъ при случаѣ и призъ выбить: часы съ цѣпочкой, которую не нужно подъ мундиръ или подъ шинель прятать, а можно выставить такъ, чтобы всѣ ее видѣли.

Медали, нашивки, шевроны, призовыя цѣпочки и всякіе знаки отличія — все это награды за службу и далеко не всѣ имѣютъ право носить ихъ.

Признало тебя начальство достойнымъ одного изъ этихъ знаковъ, въ приказѣ объ этомъ отдали, награду самую на руки выдали—и носи ты ее на здоровье.

Каждый встрѣчный, какъ на тебя взглянулъ, такъ и видитъ, какой ты есть заслуженный человѣкъ.

А вотъ, если кто поѣхалъ въ отпускъ, да захотѣлъ передъ земляками похвастать и медаль себѣ нацѣпилъ, которой не выслужилъ, или нашивку на погоны нашилъ, которой ему не полагается,—тотъ большой проступокъ противъ воинскаго благочинія сдѣлалъ.

И можетъ такой солдатъ за это въ тюрьму попасть да мѣсяцевъ до четырехъ отсидѣть въ ней, если начальство признаетъ, что дисциплинарнаго наказанія ему мало (Статья 196-ая).

На томъ, братцы, что я разсказалъ въ этихъ немногихъ страничкахъ, и закончу я бесѣды о воинскихъ законахъ.

Можетъ быть, когда-нибудь впослѣдствіи, разскажу я вамъ кое-что и о тѣхъ законахъ, которые не только до солдатъ относятся, а до каждаго человѣка, кто-бы онъ ни былъ.

Ихъ и солдатамъ знать не лишнее.

Я думаю, всѣ вы понимаете, къ чему эти бесѣды клонились; объ этомъ не одинъ разъ вспомянуто было.

Кто поступаетъ дурно, зная, что не по закону это дѣлаетъ, того меньше жалко: заработалъ себѣ наказаніе по своей доброй волѣ,—и получай его полностью.

А вотъ того, братцы, жалко, кто въ просакъ попался и отвѣтъ несетъ по невѣдѣнію, да по глупости, а простить и такому нельзя: законъ не позволяетъ. Почему-же онъ не позволяетъ—я говорилъ уже.

Случаевъ-же такихъ—хоть отбавляй: то и дѣло по-

вторяются; а куда-бы хорошо было, коли-бы ихъ совсѣмъ не было.

Дѣло это въ вашихъ рукахъ, ни въ чьихъ больше.

Слушайте только внимательнѣе. когда вамъ объясняютъ служебныя свѣдѣнія и старайтесь запоминать науку,—тогда и знать будете, что позволяется и что запрещается.

Главное-же — ничего не дѣлайте зря, а всегда подумавши.

Не знаешь самъ, какъ лучше поступить—съ товарищемъ посовѣтуйся, да человѣка для этого надежнаго выбери.

Хорошимъ-же товарищемъ тотъ только называется, кто другого не подведетъ, дурного ему не посовѣтуетъ, а наоборотъ, если самъ увидитъ, что другой дурно дѣлаетъ, такъ удержитъ его, объяснитъ ему, почему да отчего нельзя такъ поступить, а какъ надо — научитъ.

А теперь подумайте обо всемъ объ этомъ, о чемъ мы тутъ толковали, и вы увидите, что, хотя о непріятныхъ все вещахъ рѣчь шла, но сказалъ я вамъ правду и говорилъ-то о нихъ—для вашей же пользы.

К. Игнатовичъ.

Божеское правосудіе, ц. 20 к.

Лѣшевъ хуторъ, ц. 10 к.

Мірскія дѣтки, ц 10 к.

Всѣмъ шильямъ шило, ц. 10 к.

Куча денегъ, ц. 20 к.

Анчутка безпятый. Бобыль. Наумъ Сокодумъ ц. 10 к.

Собачій застрѣльщикъ. Медвѣжья нака, ц. 10 к.

Старики, ц. 20 к.

Сорочьи гнѣзда, ц. 20 к.

Маіорская дочка, ц. 25 к.

Музыкантъ, ц. 25 к.

Неспособный человѣкъ, ц. 25 к.

Неспособный человѣкъ или 20 лѣтъ службы, пьеса, ц. 20 к.

Легкая надбавка, пьеса, ц. 30 к.

Дѣдушка домовой, пьеса, ц. 15 к.

Чему быть тому ни миновать, или не по носу табакъ, пьеса, ц. 30 к.

Жаренный гвоздь, пьеса, ц. 15 к.

Другія книги и изданія подъ редакціей А. Погоскаго.

Соколовъ. Прот. Пещерники, ц. 4 к.

Суворовъ. Его жизнь и побѣды, ц. 5 к.

Никатовъ. Мать Честная, ц. 6 к.

Косинскій. Подъ Севастополемъ, ц. 0 к.

Сборная книжка. Проза и стихи ля солдатскаго чтенія, ц. 10 к.

Наши богатыри, 2 книги по 25 к.

Рукописи о Севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Цесаревичемъ, 4 кн. ц. 1 р.

Подъ Севастополемъ. Былины въ стихахъ, ц. 20 к.

Чтенія Солянаго Городка.

Пѣвцовъ. О Святой землѣ 12 чтеій, ц. по 5 к.

— Египетъ и Синай, ц. 10 к.

— О трудахъ Св. Апостоловъ, ц. 10 к.

Коховскій. Отцамъ и матерямъ о ѣтяхъ, ц. 10 к.

— О трудѣ и отдыхѣ, ц. 10 к.

Гладкій. О помощи въ трудѣ и горѣ, . 10 к.

Шведовъ. Переправа у Систова и имницы, ц. 15 к.

Тарыпыгинъ. Разсказы бывалаго чеовѣка, ц. 10 к.

Шиле. Волга и ея значеніе для Россіи, ц. 20 к.

Арсеньевъ. Славное Севастопольское ідѣніе, ц. 10 к.

Брандъ. О чесоточныхъ зудняхъ, ц. 0 к.

Воронецкій. О кометахъ и падающихъ звѣздахъ, ц. 10 к.

Его-же. О неподвижныхъ звѣздахъ, ц. 10 к.

Коротковъ. Кулибинъ, ц. 10 к.

Лапченко. О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышащихъ, ц. 10 к.

Медеръ. Какого вида земля и какъ она велика. Отъ чего происходитъ день и ночь, весна и лѣто, осень и зима? ц. 20 к.

Шмулевичъ. Тѣсныя и сырыя квартиры, ц. 10 к.

Доброславинъ. О почвѣ, ц. 10 к.

Манженъ. О разумномъ уходѣ за домашними животными, ц. 10 к.

Хребтовъ. Русскій военный орденъ, ц. 10 к.

Чтенія Высочайше утвержденной постоянной комиссіи народныхъ чтеній.

Всѣ изданія комиссіи и находящагося при ней издательскаго общества проаются по цѣнамъ, объявленнымъ въ спискахъ комиссіи.

Подъ покровительствомъ **ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской**

фирма Н. ФЕНУ и К° издала восемь картинъ подъ общимъ заглавіемъ:

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ ВЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ ДО ПРИБЫТІЯ ВРАЧА.

Картины, 15½×10 верш., изящно исполнены хромолитографіей, по указаніямъ д-ра Г. Тернера, съ акварелей художника В. П. Шрейбера, въ картографическомъ заведеніи А. Ильина.

СОДЕРЖАНІЕ КАРТИНЪ:

1. Оживленіе утопленниковъ.
2. Перевязка ранъ.
3. Остановка кровотеченія на головѣ и туловищѣ.
4. Остановка кровотеченія на рукѣ и ногѣ.
5. Пособіе при переломахъ и вывихахъ.
6. Пособіе при ожогахъ, угарѣ и отмораживаніяхъ.
7. Пособіе при отравленныхъ ранахъ (укушеніяхъ ядовитыми животными).
8. Перевозка и переноска раненыхъ и тяжело больныхъ.

Цѣна каждой картины 25 коп.

☛ При гуртовыхъ заказахъ дѣлается уступка. ☚

ПОДЪ ТѢМЪ ЖЕ ЗАГЛАВІЕМЪ ФИРМОЙ ИЗДАНА КАРМАННАЯ КНИЖКА.

Содержаніе.: 100 хромолитогр. рисунковъ г. Шрейбера съ объяснительнымъ текстомъ Д-ра Тернера (пособія при ранахъ, кровотеченіяхъ, переломахъ, вывихахъ, ожогахъ, отмораживаніяхъ, обморокѣ и отравленіи, оживленіе утопленниковъ; переноска и перевозка раненыхъ и больныхъ. Яды и противоядія. Первая помощь при острыхъ внутреннихъ заразныхъ болѣзняхъ.

Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб.

Фирма исполняетъ всѣ заказы частей войскъ, полковыхъ библіотекъ, учебныхъ командъ и проч.

По распоряженію Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній фирма Н. ФЕНУ и К°. издаетъ всѣ программы для поступленія въ эти заведенія

Имѣются также всѣ изданныя правила и программы учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ.

Фирмою изданы иллюстрированные каталоги:

1) Наглядныхъ пособій для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, ц. 30 к.
2) Волшебныхъ фонарей и принадлежностей къ нимъ со спискомъ чтеній и тѣневыхъ картинъ, ц. 25 к.

Также имѣется книжный каталогъ.

Дозв. ценз. Спб., 12 Января 1896 г.

Тип. Я. П. Либермана. Фонтанка, 86.

2007110266